
К 20-летию Российского гуманитарного научного фонда

Перспективы российской науки как социального и культурного института¹

МАТЕРИАЛЫ “КРУГЛОГО СТОЛА”

Обсуждается культурный статус, отношения с государством, характер научно-познавательной деятельности современной науки, её будущее в свете происходящих существенных изменений, роль научных фондов и особенно итоги 20-летней работы Российского гуманитарного научного фонда.

Discusses the cultural status, relations with the state, the nature of scientific-cognitive activity of modern science, its future in light of what is happening significant changes, the role of the scientific funds and especially the results of 20 years of work of the Russian humanitarian scientific Fund.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: эпистемология, философия и методология науки, наука как социальный и культурный институт, фундаментальная наука, прикладные исследования, академическая наука, гуманитарная наука, научные фонды.

KEY WORDS: epistemology, philosophy and methodology of science, science as a social and cultural Institute, basic science, applied research, academic science, Humanities, scientific funds.

Участники “круглого стола”:

Пружинин Борис Исаевич – доктор философских наук, профессор кафедры онтологии, логики и теории познания НИУ ВШЭ, главный редактор журнала “Вопросы философии”.

Бажанов Валентин Александрович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Ульяновского государственного университета.

Гаман-Голутвина Оксана Викторовна – доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой сравнительной политологии МГИМО (У) МИД России, президент Российской ассоциации политической науки, председатель Экспертного Совета РГНФ по философии, политологии, социологии, правоведению, науковедению, председатель Международного редакционного совета журнала “Полис” (Политические исследования).

¹ Проводится при поддержке гранта РГНФ № 14-03-14031 «Организация и проведение конференции “круглого стола” в журнале “Вопросы философии” по теме: “Перспективы российской науки как социального и культурного института”».

Горохов Виталий Георгиевич – доктор философских наук, заведующий сектором Института философии РАН, ведущий научный сотрудник лаборатории трансдисциплинарного исследования познания, языка и социальных практик при Томском государственном университете.

Гусейнов Абдусалам Абдулкеримович – академик, директор Института философии РАН.

Касавин Илья Теодорович – член-корреспондент РАН, заведующий сектором Института философии РАН, главный редактор журнала "Epistemology & Philosophy of Science".

Киященко Лариса Павловна – доктор философских наук, заместитель начальника Управления общественных наук Российского гуманитарного научного фонда.

Кузнецова Наталья Ивановна – доктор философских наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета.

Лекторский Владислав Александрович – академик, академик РАО, председатель Международного редакционного совета журнала "Вопросы философии", заведующий сектором Института философии РАН, ведущий научный сотрудник лаборатории трансдисциплинарного исследования познания, языка и социальных практик при Томском государственном университете.

Мамчур Елена Аркадьевна – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН.

Микишина Людмила Александровна – доктор философских наук, профессор Московского педагогического государственного университета.

Паришин Алексей Николаевич – академик, заведующий отделом алгебры и теории чисел Математического института им. В.А. Стеклова РАН.

Целищев Виталий Валентинович – доктор философских наук, директор Института философии и права Сибирского отделения РАН, профессор Новосибирского государственного университета.

Черниговская Татьяна Владимировна – доктор филологических наук, доктор биологических наук, профессор, заведующая кафедрой конвергенции естественных и гуманитарных наук и лабораторией когнитивных исследований Санкт-Петербургского государственного университета.

Чешев Владислав Васильевич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой Томской государственной архитектурно-строительной академии.

Юдин Борис Григорьевич – член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Института философии РАН, главный редактор журнала "Человек".

Юревич Андрей Владиславович – член-корреспондент РАН, заместитель директора Института психологии РАН.

Б.И. Пружинин: Поводом для проведения этого Круглого стола является замечательная дата – 20-летие работы Российского гуманитарного научного фонда на благо отечественной гуманитарной науки. Это повод, который имеет самое непосредственное отношение к существу темы, ради обсуждения которой мы сегодня собрались. Каков смысл нашего сегодняшнего разговора о судьбах отечественной науки? Мы все достаточно отчетливо представляем себе проблемы, которые связаны и с реформой научных институтов, и с состоянием нашей науки. Вопрос в том, что будет с отечественной наукой? Хотелось бы обменяться мнениями о перспективах, о том, что можно сделать для сохранения и развития российской науки. Какие есть возможности? А они есть. Вот, например, колоссальный опыт работы научных фондов – РФФИ и РГНФ. Благодаря поддержке РГНФ очень многое удалось сохранить и развить в отечественной социально-гуманитарной науке. Я думаю, в контексте нашей темы, надо оценить ту роль, которую Фонд играет сегодня, поразмышлять о сложностях в его работе, о том, что надо делать, чтобы он соответствовал запросу дня нынешнего и о тех возможностях, которые благодаря его работе позволяют надеяться на будущее.

На нашем круглом столе предполагается обсудить следующие вопросы:

1. Какие тенденции в современной науке вы считаете позитивными, а какие негативными для ее развития?

2. Как эти тенденции реализуются в российской науке?
3. Как вы оцениваете социальный и культурный статусы науки в России? Статус учёного в российском обществе?
4. Как вы оцениваете формы взаимодействия науки и государства (в частности, финансирование науки)?
5. Способы оценки научных результатов (рейтинги научных публикаций и т.д.) – как к этому относиться?
6. Роль Российской академии наук в научных исследованиях в стране. Академическая и вузовская наука.
7. Какова роль РГНФ и РФФИ в поддержке фундаментальных исследований? Перспективы научных фондов в нашей стране.
8. Каковы перспективы гуманитарных областей знания в свете современных тенденций в сфере управления наукой? Каковы способы оценки результатов в гуманитарных науках?

Сегодня в науке происходят серьезные изменения. Меняется ее инфраструктура, меняется мотивация научно-исследовательской работы и стандарты оценки знания. И сегодня различить и внятно сказать о тенденциях этих изменений очень важно. Идет реформа институтов науки. Иногда странно идет, иногда непонятно, что мы хотим получить в результате. Я на примере журналов гуманитарных могу это показать: вот с одной стороны как бы признание платных журналов. За плату ведь сегодня что угодно можно опубликовать. А с другой стороны, зачем же тогда ВАКовские списки? Между тем, весь вопрос в том, кто будет оценивать публикацию? Серьезные журналы выполняют экспертную функцию, чрезвычайно важную, на мой взгляд, для современной науки. Но в таком случае, именно журналы и нуждаются в поддержке. Между прочим, благодаря поддержке РГНФ удалось в свое время обеспечить современную техническую базу для “Вопросов философии”. У нас есть Интернет-варианты, мы успешно представлены в базе данных Web of science. Но если мы будем обязаны печатать за деньги, я думаю, нас из этой базы выкинут.

В.А. Лекторский: Выходит – только деньги заплати.

В.А. Бажанов: ВАКовский список в 2013 г. включал почти 2300 журналов, из них около 100 философских. Многие из этих журналов были созданы и осуществляли агрессивный бизнес на публикациях (академических среди них, кстати, нет). За примерно 10–15 тысяч рублей можно было опубликовать фактически что угодно. Возникает серьезное сомнение в целесообразности такого рода списка.

Б.И. Пружинин: Нужна определенность научной политики. А для этого необходимо понимание того, что с наукой происходит, что меняется. Забегая вперед (чтобы придать направленность обсуждению) скажу, что, на мой взгляд, возрастает роль экспертных функций науки – не только в институциональном плане, но и в плане содержательного роста знания. Но это – мои соображения. Я надеюсь еще выступить и поделиться своими соображениями на этот счет. А сейчас хочу, чтобы мы начали это обсуждение, направленное на поиск перспектив науки и на выявление роли таких структур, как РГНФ. Ведь, РГНФ, помимо всего прочего, мощное экспертное научное сообщество. Сейчас создается еще одно экспертное сообщество – РНФ. Хотелось бы обсудить смысл того, что происходит и связанные с этим вопросы.

В.А. Лекторский: А Вы можете нам об этом сказать?

Б.И. Пружинин²: Хорошо, могу продолжить. Я трансформационными процессами в науке занимаюсь уже более 30 лет. В 1986 г. вышла моя книга, где я впервые коснулся этой темы. Что происходит с наукой? В те годы, когда я писал эту книгу, мне казалось, что достаточно двух понятий для определения характера и направленности изменений в современной науке – фундаментальная наука и прикладные исследования. Сегодня полагаю, дело обстоит сложнее. Произшедшие в этой сфере науки изменения фиксируются ныне в русской науковедческой литературе благодаря двусмысленности термина “фундаментальный”. К XIX в. появилось понятие “чистая наука”. И фундаментальная наука приобрела

² Выступление подготовлено при финансовой поддержке гранта РГНФ, проект № 14-03-00587а.

смысловой оттенок чистой науки. А в XX в. фундаментальность науки стала означать ее роль как фундамента науки прикладной. Так что термин “фундаментальная наука” употребляется у нас то в одном, то в другом смысле – в зависимости от контекста. А между тем, в английском эти смыслы уже разведены достаточно точно – *fundamental science* (в смысловой оппозиции-связке с *special sciences*) и *basic science* (в смысловой оппозиции-связке с *applied science*).

К чему я рассказываю об этих терминологических тонкостях? Долгое время считалось, что наука, она везде наука, что ее стандарты неизменны, будь то прикладное исследование, или чистое. Но положение дел меняется, и я полагаю, очень важно зафиксировать эти изменения. Вот поясняющий пример. В 2012 г. в журнале “Nature” (Volume 483 Issue 7391) появилась статья, посвященная результатам исследовательских работ в области молекулярной биомедицины. Авторы С. Glenn Begley и Lee M. Ellis рассказывали об исследованиях, ориентированных на лекарство против рака. Так вот авторы пишут, что они взяли пятьдесят три публикации из солидных журналов, и попробовали воспроизвести у себя в лаборатории. Воспроизвести удалось лишь шесть! А публикации были из солидных изданий, премии за них выдавали, гранты и пр. Представляете себе – б. А ведь речь идет не о том, что там было до Большого взрыва, речь идет о результатах исследований, на базе которых делаются препараты, на базе которых для людей вопросы о жизни решаются. И тем не менее, вот такая цифра. Значит, первое, что приходит в голову – это падение нравов научного сообщества. И оно, конечно, имеет место быть, это очевидно. Но если бы только к этому все сводилось! Научное сообщество с такими вещами справлялось не раз. В описанной ситуации есть нечто более серьезное, имеющее эпистемологический смысл: есть социально-экономическая конкуренция, в которую ныне погрузилась наука.

Современная наука стала гигантским социально-экономическим институтом, вpleтнным в промышленное производство, с мощными финансовыми потоками и финансирующими структурами, т.е. с заказчиком, который надеется получить прибыль благодаря научным разработкам и обойти конкурентов. В итоге... Мне В.В. Пирожков подсказал: загляни в отчеты нашей Академии. Результаты публикуются, а вот методы их получения, зачастую – нет. А теперь представьте себе науку XVIII–XIX вв. Ученый, получивший какой-то новый результат, спешил поделиться с коллегами и результатом и методом его получения. И здесь далеко не только вопросы престижа и пр. В науке и тогда присутствовали и моменты прикладные, и моменты чистого исследования. Важно другое: знание принципиально воспроизводимо, и научная коммуникация была подчинена этому требованию. Экономическая конкуренция разрушает традиционную научную коммуникацию. И, возвращаясь к приведенному примеру, вполне допустимо предположить, что из этих сорока семи невозпроизводимых публикаций значительная часть просто не представляет результат полностью. Это базисные исследования, проводимые в лабораториях крупных фармацевтических фирм, совершенно не заинтересованных в представлении конкурентам дорогостоящей информации. А как следствие, рвутся научные коммуникации. Рвется целостная ткань науки. Ведь без воспроизводимости метода получения результата познания наука невозможна.

Я думаю, что, по крайней мере, одно из направлений эпистемологических исследований сегодня должно быть ориентировано на поиск ответа на вопрос, каковы возможности и перспективы, ну, скажем, восстановления, что ли, целостности науки. Потому что фундаментальная наука, на самом деле, – наука целостная. Базисные исследования, хотя и “вплетены” содержательно, а зачастую и организационно в фундаментальную науку, все-таки ориентированы на приложения, на заказ. Поэтому их результаты публикуются в общедоступных изданиях, а методы их воспроизведения (получения) – нет. При этом надо признать, что “прикладнизация” науки – процесс объективный. И спорить с ним бесполезно. Вопрос в другом: есть ли какие-то альтернативные процессы в науке, способные противостоять разрушению научных коммуникаций, и, в конечном счете, ее деструкции. Есть ли в системе современной науки подсистемы, противостоящие редукции научного познания к совершенствованию технологий. А технологии, напомним, развивались до и

вне всякой науки тысячелетиями. И есть культуры, где технологии совершенствовались, но никакая наука не возникла. Так что наука – это отнюдь не нечто обязательное для человечества.

Я могу поделиться лишь некоторыми соображениями на этот счет (и сослаться на коллективную монографию по методологии психологии, где я участвовал). Я полагаю, очень показательные позитивные процессы происходят в связи с формированием экспертных сообществ. Любой более или менее значительный прикладной результат в науке сегодня становится предметом пристального внимания общества, т.е. заказчик как бы “расширяется”, выходит за пределы узкого интереса. Таким образом, последствия приложений полученного в прикладном исследовании знания оценивают в самом широком контексте – от социально-гуманитарного до физико-космического. А это значит, что при всей конкуренции, заказчик вынужден согласиться на вынесение результата в систему экспертных сообществ, которые опираются на всю имеющуюся систему знаний, на науку как целое, потому что какая может быть экспертиза без обращения к фундаментальной – в старом добром смысле – науке? И результат, добытый в специализированном прикладном исследовании, начинает включаться в целостную систему знания. Так появляется новый смысловой пласт в термине “фундаментальная наука” – экспертный. И перспективы науки связаны, на мой взгляд, с той ролью, значительной и серьезной, которую сегодня выполняют экспертные сообщества и обеспечивающие их институции, типа РГНФ.

Сегодня практически любое даже специальное открытие достигается, в основном, через поиски решения практических задач, т.е. там, где есть социально-экономическая поддержка, но где есть и проблемы, связанные с вторжением социума в научное исследование. Знаменитый адронный коллайдер строили вкладчину. Современная наука – чрезвычайно дорогостоящее предприятие. Поэтому исследования финансируются, когда они имеют более или менее ясный прикладной смысл. А их результаты, попадая в поле зрения общественной экспертизы, возвращаются тем самым в фундаментальную науку. Я понимаю, что все это звучит довольно туманно, но мне кажется, что именно так, на пути преодоления противостояния фундаментальной науки и прикладного исследования открывается сегодня перспектива науки. Меняется структура науки, преодолевающая жесткое деление на фундаментальное и прикладное.

В.А. Лекторский: Т.е. оно уже размывается?

Б.И. Пружинин: Я с этого и начал. Оно преодолевается.

В.А. Лекторский: То, что вы писали раньше, я помню, вы от этого как бы отказываетесь.

Б.И. Пружинин: Нет, не отказываюсь, я просто двигаюсь немножко дальше, надеюсь, вместе с наукой. Мне кажется, я понимаю, что сегодня происходит в науке. Что же касается нынешних реформ, то они как лекарство радикальное могут поддержать организм науки и помочь трансформироваться в нужную сторону, а могут убить. Реформы, которые идут сегодня у нас, они могут либо науку доконать окончательно, во всяком случае, в России, либо поддержать. И если эта поддержка будет реально направлена на развитие науки, если сама деятельность экспертных сообществ, как мне представляется, будет организована не на манер бухгалтерской структуры, это будет способствовать возрождению науки. В противном случае я вижу только одно: растворение науки в технологиях. Ведь что такое индекс Хирша? Что такое эти индексы цитирования. Что такое наши постоянные отчеты – за год, за полгода, за квартал? Это оценки сугубо прикладного исследования, это, например, требование, чтобы, скажем, философское исследование нашло себе приложение прямо в жизни в течение двух лет. Мы это уже проходили. А между тем, я напомним, преподавание философии (философский факультет МГУ) было восстановлено в 1942 г., в эвакуации, в г. Ашхабаде. Философия понадобилась. Нам что, большая беда нужна, чтобы это понять? И спасибо, что экспертные советы РГНФ поддерживают сегодня фундаментальные исследования в гуманитарной науке и в философии, особенно. Все, я закончил.

В.А. Лекторский: Этот “круглый стол” был задуман, как я понял, в связи с юбилеем Российского гуманитарного научного фонда. Вопрос о фондах сейчас очень острый, кстати. И об этом тоже стоит поговорить. О роли экспертизы, о роли финансирования.

*В.Г. Горюхов*³: В последнее время все более делается акцент на то, что наука должна ориентировать производство знаний именно в направлении хозяйственного использования. Такое упрощенное и одностороннее представление не учитывает внутренних тенденций развития науки и техники. Кроме того, все чаще и чаще подчеркивается, что новое знание создается не только в рамках науки. Система науки потеряла монополию на производство знаний. Главные производители научного знания теперь не только дисциплинарно организованные ученые, но и “получатели” знания, т.е. дилетанты или заказчики также должны быть включены в процесс производства научных знаний. При этом контекст применения становится конституирующим по отношению к процессу производства знания.

Все эти изменения имеют не только позитивные, но и негативные последствия, часто девальвирующие устойчивые традиции и идеалы научного сообщества и даже разрушающие сложившиеся и ранее эффективно функционировавшие механизмы научного производства. Новое знание теперь может производить каждый, но прежде всего чиновники. Никто не смеет их критиковать за безграмотность: это оскорбление, преследуемое законом! Создаваемая ими виртуальная реальность может быть легко легитимирована парламентским большинством, ничем не отличающимся от госслужащих в ментальном и в материальном плане. Закон принят и провозглашенная ими виртуальность становится действительностью.

В работе превращения виртуальной реальности в первую реальность важная роль, конечно, отводится средствам массовой информации. Достаточно написать, снять фильм и вывесить в Интернете, прочитать по радио или показать по телевидению, и любой бред приобретает статус репрезентанта действительности. Этому доверяют больше, чем назойливым рассуждениям ученой братии. Современная профессиональная наука с ее вечными “может быть” и “вероятно”, критическим рационализмом и требованиями проверки становится не только излишней, но и вредной. В такой нашей новой реальности, которая незаметно для нас и независимо от нас создается законотворчеством чиновничьих масс, научная рациональность теряет статус непререкаемой истины. Мы собираем в Интернете подписи для убеждения в своей правоте иной высшей инстанции, которой на нас наплевать. А ученым, смилив свою гордыню, нужно учиться не тому, как проводить научные исследования и писать диссертации, а тому, как повысить свои наукометрические показатели, опубликоваться в рейтинговых журналах, правильно составить заявку на гранты. Это, конечно, тоже нужно знать, но не в этом бюрократическом обрамлении состоит суть научной работы. На этой волне появляется даже целый класс научно-вспомогательного персонала, менеджеров от науки, помогающих добиться формальных успехов, мнящего себя истинными руководителями науки, а в сущности паразитирующего на ней.

Кроме того большим подспорьем бюрократии стало информационное общество, которое нам предрекали как путь освобождения от оной. Чиновники теперь – “творцы нового”, в том числе и нового знания вне науки: они творят новые формуляры в компьютерной среде, вывешивают их на своих сайтах “на всеобщее обсуждение” (лучше всего на короткий срок и так, чтобы добраться до них было невозможно или очень трудно), а потом заявляют: ваше время истекло, не приняли участие в обсуждении – сами виноваты. А если бы и приняли, даже в качестве экспертов, кто же наши замечания будет читать? И тем более учитывать! Но странно другое. Именно благодаря информационному обществу созданная чиновниками “на бумаге” (точнее в электронном виде) виртуальная реальность реальнее действительной социальной реальности. И внедрять ее приговорены мы сами, так как нас будут те же самые чиновники проверять на соответствие этой ими навязанной виртуальности.

³ Выступление выполнено в рамках программы повышения конкурентоспособности Томского государственного университета.

Теперь несколько слов о дискуссии в связи с “реформой” науки.

Во-первых, и сторонники, и противники реформы, и подопытные кролики и скрытые от общественности тайные ее творцы оперируют не историко-научными фактами, полученными в результате историко-научных и науковедческих исследований, а “знаниями понаслышке”. Многие, ссылаясь на собственный опыт работы за границей или просто ее посетившие, говорят: давайте сделаем так же. Но этот опыт нужно сначала перепроверить и затем адаптировать к местным российским условиям, иначе никакая даже самая прогрессивная реформа, как неоднократно показывает сам же российский отрицательный опыт, не пройдет. “Народ”, конечно, выдержит все, а реформа как обычно превратится в свою противоположность, но вместо движения вперед будет откат назад. Кроме того, то, что предписывают, также не имеет ничего общего с их социальной реальностью. Говорят, что у них вся наука развивается только в университетах, но это неправда. При этом в лучшем случае упоминают общество Макса Планка, но всегда забывают о Сообществе крупных научных исследовательских центров им. Гельмгольца, Обществе Лейбница и Обществе Фраунхофера.

Во-вторых, в дебатах этих часто проговариваются. Один академик говорит, что он работает полгода в престижном университете США на престижной должности и потому имеет гигантский индекс Хирша. Известно, что американцы охотно ссылаются только на своих и неохотно на чужих. Ссылаются в основном на тех, кто может пригласить их на конференции, оплатить лекции, сделать публикации и т.п. Если на Западе такими возможностями обладают заведующие кафедрами, то у нас только ректоры или директора крупных исследовательских институтов. Поэтому и индекс Хирша у них зашкаливает, хотя это ничего не показывает в плане продуктивности ученого! Как известно, работы Менделя долгое время вообще не цитировались, зато академику Лысенко при жизни можно было бы присвоить самый высокий индекс Хирша. Мы теперь вынуждены сами все время следить за своими показателями и приводить себя в соответствие с созданной международной и нашей бюрократией виртуальной реальностью. Однако, чтобы это делать, нужны средства и немалые. Наши исследовательские институты и университеты не выделяют средств для вхождения в системы *Web of Science* и *Scopus*. Кроме того, наши имена часто передаются в переводе на английский язык по-разному. В РИНЦ отражены далеко не все наши публикации и ссылки на них. Вопрос: и чем же здесь виноваты конкретные исследователи? Наши ведущие журналы упорно не входят в так называемый список Томпсона (для этого нужно пройти регистрацию и выполнить некоторые обязательные требования) и не всегда правильно дают фамилии авторов и резюме на английском языке. Непонятно только, почему все должны ориентироваться на какой-то неизвестно кем установленный список? На все это нужны финансовые средства. Китайцы и голландцы (и немцы, конечно), например, их от своих государств получают. Отсюда интерес к ним американцев и всего научного сообщества.

В-третьих, прослеживается явное расслоение на ненужных гуманитариев, “рассуждающих непонятно о чем”, и ориентированных на прикладные задачи естествоиспытателей, математиков, представителей технических наук. Однако, чтобы что-то приложить, нужно иметь куда. Вот это “куда” у нас за последние десятилетия почти полностью разрушено. Вслед за военно-промышленным комплексом перестала существовать отраслевая наука. А всех гуманитариев и особенно философов сегодня рассматривают как “мешающий фактор”. Поэтому академическая элита (физики, химики, биологи и математики) негласно, а иногда и гласно поддерживают идеи о ликвидации гуманитарного сектора РАН, а потом, возможно, и кафедр в университетах. Немцам в этом смысле повезло. Бисмарк в свое время издал указ, что без таких кафедр технические университеты превращаются в профтехучилища с соответствующим понижением статуса и зарплаты всех профессоров. Часто забывают, что новые технологии развиваются в обществе и призваны ему служить, и именно поэтому социально-гуманитарные исследования новейших технологий становятся так важны и необходимы.

Важную роль в консолидации России играет русский язык. Поэтому отказ от него в науке, тотальный переход на английский язык является губительным не только для гума-

нитарной науки, но и для дальнейшего развития российского общества и государственности. Французы и немцы с переменным успехом этому сопротивляются. В сущности современная наука стала возможна только после того, как во времена Галилея ученые перешли с латыни на национальные языки и создали национальные академии наук. Прежде всего это относится, конечно, к гуманитарным наукам. Как изучать Канта только по-английски? Особенно если есть прекрасный русский перевод с параллельным немецким текстом. Английский язык не только упрощает, но и огрубляет многие сложные философские рассуждения. В особенности, если это не родной язык. Но выросло новое поколение, которое может и хочет говорить только по-английски. Некоторые из них сидят в третьеклассных американских и английских бизнесшколах, а теперь пытаются управлять нашими мегапроектами и учить нас науке, часто мало в ней разбираясь. Тем более, что во многих областях мы далеко ушли вперед от американцев, и наш уровень не ниже западноевропейского. Ссылаясь им на нас нет никакого смысла, особенно тем русским, которые там приземлились и успешно перекомпилируют на английский то, что ранее было издано на русском языке. Время от времени удивляешься “новым” направлениям там, так удивительно похожим на то, что обсуждалось у нас в 60–80-е гг.

Нас пугают академическим капитализмом, превращением ученых и преподавателей в рекламных менеджеров от науки и образования. Но мы-то еще находимся на стадии академического феодализма. В ходе реформирования науки вообще не рассматривают судьбу научно-исследовательских институтов. Их “передают” от одних хозяев другим, даже не спрашивая самих населяющих институты людишек (научных сотрудников, которые и создают между прочим материальные и духовные ценности и продукты).

*В.А. Лекторский*⁴: Можно обсуждать многие вопросы, связанные с трансформациями, которые происходят в современной науке, в российской науке в частности и в особенности. Я скажу о некоторых общих проблемах, и также уделю внимание вопросам практическим, в частности поговорю о роли научных фондов в развитии нашей науки – ведь наш “круглый стол” связан с юбилеем Российского гуманитарного научного фонда.

Борис Исаевич и Виталий Георгиевич говорили о технизации и технологизации современной науки, о том, что возник новый феномен, который философы и науковеды назвали технаукой. Конечно, связь науки и технологии – не новое явление. Можно выделять разные слои в научном знании, более и менее непосредственно связанные с техническими приложениями. Мне кажется, что самое важное обстоятельство состоит в том, что естественное, начиная с Нового времени, в явной или скрытой форме содержит принципиальную возможность своего технического использования. Это обстоятельство существенно повлияло на характер научного знания, на новое понимание рациональности, отличное от того, которое имело место в античности. Об этом написано немало, я тоже анализировал этот феномен. Сейчас хочу только обратить внимание на тот факт, что развитие техники и современных технологий (особенно информационно-коммуникационных) приобрело такой характер, когда они начинают радикально трансформировать человеческий жизненный мир и самого человека и определять социальные, культурные и экономические процессы. Техника в известном смысле становится самоценной и уже не просто обслуживает человеческие потребности, как это было ранее, а создаёт сами эти потребности. Она уже не просто средство решения задач, которые ставит человек, исходя из определённых целей и ценностей, но во многих случаях сама определяет последние, т.е. не является ценностно-нейтральной. Это большая проблема, которую нужно обсуждать специально, и поэтому я сейчас не буду о ней говорить подробно. Хочу только обратить внимание на то, что наука как специальный способ получения нового знания оказалась в большой зависимости от возможных технических приложений. При этом я хочу специально подчеркнуть следующее. Во-первых, речь идёт не просто о практическом применении фундаментального знания (такой важнейший раздел фундаментальной дисциплины под названием “философия”, как этика, всегда имел практическую направленность и даже назывался “прак-

⁴ Выступление подготовлено в рамках программы повышения конкурентоспособности Томского государственного университета.

тической философией”), а именно об использовании научного знания для производства технологических разработок. Во-вторых, что вовлечённость научного знания в создание новых технологий – знамение нашего времени, связанное с процессами глобализации, технологической гонки, с необходимостью экономического и социального выживания в современном непростом и даже жестоком мире. Все страны сегодня втянуты в этот процесс. Между тем, современная наука обходится дорого, и естественно желание любого государства получить от науки прежде всего практический, а это значит, технологический результат. Другое дело, что логика развития технологических инноваций не всегда совпадает с логикой научного исследования. В этой связи возникают определённые проблемы для развития научного знания.

Я хотел бы также в этой связи обратить внимание на новый феномен. Всегда считалось, что гуманитарное знание отличается от знания естественнонаучного в частности тем, что первое не технологизируемо. В английском языке слово science (наука) относилось только к наукам о природе, а исследование человеческой проблематики шло под рубрикой humanities. Сегодня в широком ходу термин human sciences – науки о человеке. И это связано не только с тем, что науки о человеке в некоторых отношениях всё больше уподобляются наукам о природе, но также и с тем, что идёт интенсивная технологизация наук о человеке, используются социальные и гуманитарные технологии, разрабатываемые на основании психологических, социологических, образовательных, экономических исследований. Современные генетические исследования и интенсивные разработки в области нейронаук представляют новые возможности для воздействия на человеческую телесность (“редактирование” геномной карты) и мозг, а значит, и на психику. Означает ли это, что традиционная гуманитарная проблематика исчезает? Я думаю, что не только не исчезает, но в ряде отношений становится более актуальной.

Ведь сегодня речь идёт о таких принципиально нетехнологизируемых человеческих ценностях, как свобода, творчество, диалог, соперничество, достоинство, моральный поступок. А именно они могут оказаться под вопросом при условии безудержной технологизации всего и вся, которая набирает темпы и пытается превратить самого человека в технологический артефакт (сегодня говорят о “техно-человеке” и даже о возможном “постчеловеке”). Если технологическое использование науки связано с экономической и социально-политической выживаемостью страны, то развитие гуманитарных исследований (практическим результатом которых является культивирование и развитие человеческих ценностей вообще и ценностей, специфических для данной культуры в частности) имеет непосредственное отношение к самореализации человека и культуры. Без гуманитарной науки страна как самостоятельный культурный партнёр перестаёт существовать.

Российский гуманитарный научный фонд сыграл колоссальную роль в спасении нашей гуманитарной мысли. Ведь в 1994 г., когда этот фонд появился, многие считали, что наука в нашей стране кончилась, а уж гуманитарная наука во всяком случае. За эти 20 лет РГНФ сделал очень много: и в поддержке исследований, и организации интереснейших изданий, и в стимулировании конференций и конгрессов, и в налаживании международных научных связей. Он в течение всех этих лет работал очень демократично и был действительным представителем российского гуманитарного научного сообщества: именно учёные-гуманитарии на основе экспертизы определяли, какие именно исследования нужно поддерживать, что является перспективным, а что отжившим. Взлёт гуманитарных наук, который по моему глубокому убеждению произошёл в нашей стране за последние 10 лет, во многом связан именно с деятельностью РГНФ.

Из 20 лет деятельности этого фонда я в течение 15 лет (с перерывом) работал в качестве председателя экспертного совета по социальным наукам РГНФ. Поэтому могу сравнивать деятельность фонда в прошлом и настоящем. Мне кажется, что в самые последние годы в работе РГНФ появились некоторые перекосы, которые мешают ему выполнять ту роль, которую он столь успешно осуществлял в течение многих лет. Я имею в виду, в частности, такие явления, как появившаяся в последнее время невозможность издавать работы, которые не имели предварительного исследовательского

гранта (что негативно влияет на издательскую деятельность фонда), как отказ от трэвелгрантов (а это в течение многих лет было главной возможностью развития международных контактов), как новые сложности в организации конференций. Я не могу понять новой практики так называемых, мегагрантов – чрезвычайно масштабных исследовательских проектов, исполнители которых должны в течение одного-двух лет не только провести исследование, но и опубликовать книгу. Я не знаю причин этих инноваций – возможно, они связаны не столько с деятельностью самого фонда, сколько с некоторыми внешними воздействиями на него. В любом случае они мешают той благородной работе, которую фонд вёл все эти годы.

Вообще вопрос о роли фондов в развитии отечественной науки снова стал очень актуальным. Недавно возник новый Российский научный фонд, на деятельность которого мы все возлагаем большие надежды. Однако некоторые моменты, связанные с появлением этого фонда, вызывают вопросы. Во-первых, мне не совсем понятно, почему из 9 направлений работы этого фонда только одно относится к социальным и гуманитарным наукам – при этом речь идёт о всех социальных и гуманитарных науках, начиная от экономики и кончая филологией и философией. Это слишком мало для этих дисциплин. Во-вторых, в связи с возникновением этого фонда появились разговоры о том, что следует перевести всю заработную плату исследователей на грантовую основу. Если бы это осуществилось, то был бы нанесен большой вред науке – не только гуманитарной, но и естественной, в частности, это могло бы уничтожить научные школы и коллективы, работающие на долговременной основе. Надеюсь, что этого всё же не произойдёт. В тех странах, которые когда-то были советскими республиками и в которых функционировали академии наук, похожие на нашу РАН, тоже произошли реформы научной деятельности, но система оплаты научного труда всё же не сводится только к получению грантов. Сужу об этом, в частности, по информации из Института философии, политологии и религиоведения Министерства науки и образования Республики Казахстан, где мне недавно удалось побывать.

В.Г. Горюхов: В Германии немножко иначе. Там нельзя получать деньги по грантам тем, кто на ставке сидит. Они должны брать новых людей.

Б.И. Пружинин: Хотите цитату? Я очень люблю эту цитату. В 1934 г. Петр Леонидович Капица писал в одном из своих писем: “У нас вечно путают чистую науку с прикладной. Это естественно, конечно, и понятно, но в то же время [в этом] несомненный источник многих ошибок. Разница [между] прикладной научной работой и чисто научной [в] методах оценки. В то время как всякую прикладную работу можно непосредственно оценить по тем конкретным результатам, которые понятны даже неэксперту, чисто научная деятельность оценивается куда труднее и [эта оценка] доступна более узкому кругу людей, специально интересующихся этими вопросами. Эта оценка может производиться правильно только при широком контакте с мировой наукой” (*Капица П.Л.* Письма о науке 1930–1980. М., 1989. С. 34–35).

В.А. Лекторский: Это правильно.

Б.И. Пружинин: И это на всем отражается. По оценке видно, кто оценивает.

О.В. Гаман-Голутвина: Сложность нынешнего положения отечественной науки в том, что оно стало результатом пересечения ряда кризисов – финансово-экономического, социально-институционального и этико-морального, а периодическое балансирование на грани выживания (особенно в первое пореформенное десятилетие) стало причиной истощения всего спектра факторов развития научного знания – от социально-статусного до демографического. Прискорбно, что этот процесс не был исключительно спонтанным побочным продуктом тектонической социальной трансформации: его “рукотворный” компонент осуществлялся под лозунгом повышения эффективности экономического управления. Данная установка стала основой негласного консенсуса в среде лиц, принимающих решения (несмотря на общую ценностную неоднородность этого пула) относительно роли науки в современном обществе. Не случайно идеи реформирования РАН периодически становились актуальной повесткой политико-административного управления: достаточно упомянуть подходы к реформе РАН 2004–2005 гг., чтобы осознать неслучайность

нынешней реформы РАН. Между тем альфой и омегой современной качественной экономической теории является признание науки в единстве ее фундаментальных и прикладных измерений в качестве одного из ключевых факторов обеспечения конкурентоспособности государства и значимого компонента совокупной мощи государства (в том ее понимании, которое сложилось в миро-политической теории).

Попытки институционального возрождения науки в общем контексте возвращения российского государства как управленческого актора в начале 2000-х гг. и стремление к воссозданию его субъектности в начале второго десятилетия нового века поставили на повестку дня концентрацию усилий в данных направлениях. Пока нет оснований для констатации исчерпанности этого вопроса повестки. Среди актуальных измерений этой повестки можно отметить следующие сюжеты.

Во-первых, недостаточное финансирование науки по-прежнему остается самой тяжелой болезнью отечественной науки. Несмотря на заметный рост доходов от экспорта энергоносителей, Россия по-прежнему серьезно отстает от ведущих мировых центров научного производства (расходы США на НИОКР составляют 31 %; ЕС – 24%, КНР – 14%, Япония – 11%), России – менее 2%. Рост расходов государства на науку, хотя и имеет место, остается незначительным: если в 2000 г. он составлял 0,11 % ВВП, то в 2012 г. – 0,14% ВВП, что существенно меньше соответствующих данных, характеризующих страны, лидирующие по объему расходов на науку в развитых экономиках по данному показателю (Финляндия – 3,9% ВВП, Корея – 3,6% ВВП, Япония – 3,3% ВВП, США – 2,3% ВВП). Столь же существенен разрыв в госфинансировании фундаментальных исследований: по этому показателю РФ отстает от Японии и Швейцарии в 4 раза, от Франции и США в 3 раза. Россия занимает 34 место по объему госфинансирования науки. При этом очевидно, что современная наука требует широкомасштабных, но при этом адресных и эффективных инвестиций: мы не так богаты, чтобы позволить себе “дешевую науку”...

Другой сложной проблемой и одновременно одним из наиболее дискутируемых вопросов является выбор модели эффективной организации науки в современном обществе. В этом плане осуществляемая в настоящее время реформа получила весьма противоречивые оценки. В частности, эксперты отмечают, что РАН остается системообразующим институтом для российской науки (см., напр.: *Рогов С.М.* Шоковая терапия и реформа РАН: реалии российской науки. М., 2013). Пока недостаточно ясны и результаты реформы.

Эти дискуссии не новы – предыдущий значимый этап этих дискуссий имел место в 2004–2005 гг. Пока трудно увидеть значимый прогресс в этих дискуссиях – в том смысле, что несмотря на многочисленные исследования, показывающие неэффективность монополии какой-то одной модели. Одна из моделей в наиболее последовательном виде сложилась в США, где, как известно, нет академии наук, что мешает США оставаться лидером по многим направлениям научных исследований. Одной из важных причин тому является то, что в США базовой институциональной конструкцией является университетская наука, притом что бюджет среднего американского университета больше бюджета всей РАН РФ. Однако это не вся правда, так как помимо университетских локусов в США существует мощная сеть исследовательских лабораторий (их порядка 50), представляющих собой не локальные структуры, а то, что в нашей терминологии носит название полномасштабного научно-производственного комплекса, и бюджет самой скромной из этих “лабораторий” сопоставим с бюджетом всей РАН. Кроме того, отличительной особенностью США, характерной также для ряда европейских стран (Финляндии, например), является значимая роль бизнеса в финансировании науки. Однако генерализация этого опыта за рамки конкретного историко-институционального контекста вряд ли может принести безусловный успех. Что касается государственной поддержки университетской науки в РФ, то она ничтожно мала. Кроме того, мы прекрасно понимаем, что при той значительной учебной нагрузке (не менее 500–900 час. в год), которую несут преподаватели вузов, продуцирование научного знания – при отсутствии времени, сил и материальной оплаты – остается личным делом вузовских преподавателей.

Следующей важной проблемой, имеющей прямое отношение к проблеме эффективности научных исследований, является вопрос о критериях оценки эффективности. С одной стороны, отмечается движение в пользу объективизации и позитивной формализации критериев оценки и унификации используемых показателей. Однако уязвимость существующей сегодня системы оценки в том, что она построена на приоритете публикаций в зарубежных англоязычных журналах, что сохраняет силу даже в сравнении с опубликованными монографиями. Использование этого критерия проблематично по целому ряду причин. Для начала очевидно, что для гуманитария монография значит существенно больше, чем самая замечательная статья в самом замечательном журнале. Далее, по ряду специальностей (например, по политологии) число профильных англоязычных журналов ничтожно мало – их единицы, а рейтинг РИНЦ включает около 5 тысяч российских политологов, из чего ясна бесперспективность попыток абсолютного большинства из отечественных специалистов опубликоваться в узком круге англоязычных журналов, причем – следует сказать со всей определенностью данные журналы, несмотря на приверженность общим нормам научного знания, располагают ограниченной возможностью выхода за рамки теоретико-политического мейнстрима. В связи с этим очевидно, что сложившаяся система оценки нуждается в уточнении и отладке.

И, наконец, об этическом измерении субъекта продуцировании научного знания – интеллектуальном классе. Известно, что важным слагаемым нормативной миссии интеллектуалов является способность задавать повестку дня. Однако со времен окончания славного тридцатилетия (1945–1975) повестку дня на глобальном уровне, да и на национальном в большинстве случаев также задает бизнесэлита (даже если она формально конституирована в качестве, в облике, например, бюрократии). Никого не хочу обидеть, но будем откровенны. Определенная часть интеллектуального класса в значительной мере утратила свою миссию и превратилась в обслуживающий персонал бизнесэлит. Может быть, не в последнюю очередь по этой причине в некоторых фракциях элит молчаливо считается само собой разумеющимся: *“профессор – значит, лох”*... Реинкарнация интеллектуального класса в аутентичном качестве предполагает и его *собственное перереформатирование*, что может оказаться не самым простым делом, поскольку определенная – пусть и численно незначительная – часть этой категории нередко рассматривает существование в качестве обслуживающего персонала бизнес-интересов *petrostate* в качестве непроститижного, но комфортного. Вряд ли многие откажутся променять должностной научного сотрудника на высокооплачиваемую должность аналитика в корпоративной структуре.

В целом можно констатировать, что до настоящего времени единой логически непротиворечивой концепции роли науки в современном отечественном социуме пока не выработано, скорее, можно констатировать разновекторные усилия, выстроенные в экономикоцентричной парадигме, ранее продемонстрировавшей свою ограниченность. Впрочем, экономикоцентричность не всегда неубыточна, о чем свидетельствует любопытный документ – первый, выпущенный ФАНО. Известно, что первый документ имеет очевидное символическое значение: так, после вступления в должность в 2012 г. В.В. Путин начал с того, что подписал целый пакет указов стратегического характера. Приказ номер 1 ФАНО имел длинное название: “Об утверждении положений о порядке выплаты ежемесячной надбавки к должностному окладу за особые условия государственной гражданской службы государственным гражданским служащим центрального аппарата Федерального агентства научных организаций и руководителям, заместителям руководителей территориальных органов Федерального агентства научных организаций, о порядке премирования государственных гражданских служащих центрального аппарата Федерального агентства научных организаций и руководителей, заместителей руководителей территориальных органов Федерального агентства научных организаций...” Привести полностью это пространное название не представляется возможным... Не случайно по оценке Института экономики РАН содержание ФАНО оценивается в 60 млрд. руб. в год, что эквивалентно годовому бюджету РАН.

Если же обратиться к императивности приоритета общегосударственных целей, то важным институтом обеспечения этого приоритета выступает система поддержки отечественной науки со стороны профильных специализированных фондов, прежде всего РГНФ и РФФИ (РНФ только что создан, поэтому преждевременно оценивать эффективность его функционирования). Поскольку наш разговор происходит в канун 20-летия РГНФ и в связи с тем, что именно РГНФ финансово поддерживает гуманитарную науку, позвольте обратиться к обсуждению роли этого фонда.

На мой взгляд, РГНФ сыграл без преувеличения ключевую роль в сохранении гуманитарного знания в России. В начале 1990-х гг. на грани уничтожения была вся отечественная наука, однако в наиболее уязвимом положении по понятным причинам оказалась именно гуманитарная сфера. Между тем, именно эта сфера в институциональном плане несет ответственность за сохранение цивилизационной идентичности социума, за несводимость общества к населению, за разработку национальных стратегий и обеспечение экономической безопасности, да и самопознание общества в целом – сфера ответственности гуманитарного знания. И историческая заслуга РГНФ в том, что, несмотря на ограниченный объем средств фонда и порой весьма скромные в 1990-е гг. объемы финансовой поддержки ученых, эта поддержка не позволила исчезнуть целым направлениям социально-гуманитарного знания. Не в последнюю очередь решение этой непростой задачи было определено тем, что фонд сумел решить стратегическую задачу: в условиях ограниченности средств эффективность их использования зависела от точности и адекватности выбора ключевых направлений. На мой взгляд, фондом была избрана эффективная стратегия: во-первых, поддерживать наиболее актуальные для социальной практики темы, а во-вторых, артикулировать и исследовать эти проблемы как междисциплинарные. В качестве примера сошлюсь на последние по времени примеры. Так, в настоящее время в качестве одной из наиболее значимых поддержана тематика “Проблемы согласия в многонациональном государстве. Изучение уровня идентичности различных групп населения, этнические и внутрирегиональные взаимоотношения”. Достаточно в любой день послушать новости, чтобы убедиться: эта проблематика имеет архиважное значение для государства. И очевидно, что она не может быть решена в рамках одного научного направления. Здесь востребованы усилия и конфликтологов, и социологов, и философов, и политологов, и религиоведов.

Анализ деятельности РГНФ в течение 20-летия показывает, что фонду удалось решить целый ряд сложноразрешимых проблем. Среди них, в частности, нахождение оптимальной формулы соотношения столичных и региональных авторов; обоснованное и рациональное соотношение академических и вузовских проектов; обеспечение объективной, многосторонней и деперсонализированной экспертизы и однозначный выбор в пользу обоснованных и объективных критериев экспертизы заявок. Очевидно, что перечисленные проблемы по определению не могут быть решены типовым однозначным образом, и их продуктивное решение предполагает гибкость политики в изменяющихся контекстах, формируемых разнообразными факторами. С моей точки зрения, анализ практик работы РГНФ дает основания констатировать, что общим знаменателем решения фондом упомянутых проблем является приоритет общенациональных интересов, среди которых системообразующая роль института науки как значимого фактора сохранения цивилизационной идентичности страны, как значимого фактора обеспечения конкурентоспособности государства и обеспечения его безопасности, трактуемой как основанной на консолидации его различных социальных, национальных, политических сегментов.

Позвольте поздравить РГНФ с приближающимся юбилеем и пожелать новых и многих успехов.

Н.И. Кузнецова: Для тех вопросов, которые мы обсуждаем, важно различать две позиции описания. Еще Пол Фейерабенд указал на необходимость отличать позицию участника событий от позиции внешнего наблюдателя этих событий. Участник событий стремится ответить на вопрос “что делать?”, внешний (нейтральный) наблюдатель отвечает на вопрос “что происходит?”. В нашей дискуссии эти две позиции постоянно смешиваются, что, конечно, совершенно естественно. Всем нам, членам научного сообщества, надо

что-то делать и совершать какие-то поступки, в то же время хочется понять, что происходит с российской наукой. Мой исходный тезис состоит в том, что необходимо контролировать наши суждения и оценки, учитывая, на какой вопрос мы отвечаем.

Если говорить о том, *что происходит*, то следует принять во внимание предельно широкий социокультурный контекст. И здесь уместно вспомнить знаменитое положение Карла Маркса о том, что наука становится непосредственной производительной силой. Мало кто анализировал, каков контекст этой знаменитой фразы, когда-то ее просто принимали как руководство к действию или как констатацию непреложного факта. Но фраза эта имеет, по сути, другой смысл. Тут, вообще говоря, такая же история, как со знаменитой фразой Ленина “Из всех искусств для нас важнейшим является кино”. Знатки хорошо знают, что полная фраза выглядит иначе: “Из всех искусств для нас важнейшим является кино и цирк, пока народ безграмотен”. При чтении текста, где Маркс постулировал превращение науки в производительную силу, вдруг обнаруживается, что он невероятно возмущен этим превращением. Контекстуальный смысл знаменитого постулата примерно таков: “Капитализм настолько все искажает и трансформирует, что даже науку превращает в непосредственную производительную силу”. И с этим надо бороться. Вполне согласуется с этим положение марксизма об “относительной автономности научного познания”. Этот тезис, кстати сказать, успешно помогал советским философам защищать фундаментальную науку от чисто идеологических интерпретаций.

В.А. Лекторский: Кстати, знаете ли вы, почему Маркс сказал, что бытие определяет сознание? При капитализме такое происходит, и это очень плохо, сказал Маркс, этого быть не должно. Вот подлинный смысл.

Н.И. Кузнецова: Именно так! Контекст буржуазного способа производства заставляет весь социум вертеться по-своему, вовлекая в этот неумолимый круговорот даже науку с ее относительной автономией функционирования и развития. К сожалению, жизнь подтвердила марксовы слова. Именно поэтому Борис Исаевич начинает наш разговор с фиксации изменения контекста общественной рецепции науки: на первый план выдвигаются прикладные исследования (они нужны!), а судьба фундаментальных мало кого волнует. Не будем спорить о терминах “прикладное” и “фундаментальное”, может ли одно существовать без другого, – важно зафиксировать изменение условий бытия нашей науки. С этим трудно не согласиться. Но что из этого следует? Можно ли после этого с полным правом утверждать, что в силу изменения контекста социального бытия науки необходимо изменяются ее этические императивы, исчезает, в частности, ориентация научного сообщества на постижение истины? Можно ли считать, что плагиат и фальсификация данных становятся нормой? Секретность или утаивание информации – необходимое средство достижения успеха, разве не так? В прикладных исследованиях, говорят мне, конечный результат все оправдывает, а прежний наивный этос науки, который сформулировал Роберт Мертон, дела давно минувших дней. С этим фактом надо смириться, если хочешь быть реалистом. Я в ответ могу спросить только одно: разве рост преступности отменяет заповеди “Не убий” и “Не воруй”?..

Хочу в этой связи обратить внимание на одно прекрасное издание – коллективную монографию, которая, кстати сказать, издавалась при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда: *Этос науки*. Отв. ред. Л.П. Киященко, Е.З. Мирская. М., 2008. Мне кажется, мы слишком невнимательно обсуждали эту книгу, хотя именно изменившийся социальный контекст делает данную тематику особенно актуальной. Следует упомянуть и красивую статью трех авторов – Э.М. Мирского, Л.М. Бработько, В.А. Войтова “Наука и бизнес. Этос фронта”. Зоной фронта авторы называют инновационный бизнес. И речь здесь идет, конечно, о зарубежном опыте. Поскольку мы всегда в зоне “догоняющего развития”, следует, по-моему, в обязательном порядке освоить этот опыт, в частности, для того, чтобы ответить на вопрос “что делать?”

Авторы рассказывают, как на рубеже 90-х гг., наряду с успехами во взаимодействии науки и высокотехнологичного бизнеса (а речь идет прежде всего о биомедицинских и фармакологических производствах), возник ряд скандалов, связанных с фальсификацией данных, подтасовках и вообще недобросовестным представлением результатов научных

исследований. К этим скандалам было привлечено внимание научного сообщества, общестственности, а также государственных институций, ответственных за развитие науки. “Нужно отдать должное нашим зарубежным коллегам, – пишут авторы, – преодолев короткий период замешательства и истерик (“Небывалое падение нравов!”, “Девальвация традиционных ценностей!”, “Все на борьбу с...!” и т.п.), они предприняли энергичные усилия по экспресс-анализу и практическому решению новой проблемы” (С. 173). В конечном счёте менеджеры не стали уличать, винить и разоблачать ученых, а напротив, проанализировали социальные причины, заставляющие людей научного сообщества систематически отклоняться от императивов Мертона. После того все усилия были направлены на изменение социальной инфраструктуры, дабы моральные императивы могли быть релевантными научной профессии, а не отвергаться ею. Согласитесь: удивительный поворот в оценке ситуации! Только где нам взять таких ответственных управленцев?! Вся реформа академической и вузовской науки в нашей стране идет прямо противоположным курсом. И дело тут, конечно, не в экономическом кризисе, а в кризисе здравого смысла, который, на мой взгляд, в нашей стране первичен.

И ведь очень понятно, чего мы, научное сообщество, боимся, чему пытаемся противостоять, хотя и безуспешно. Вспоминается еще одна книга, поразительно точная для современной ситуации и ее оценки. Это знаменитейшая в свое время книга Даниила Гранина “Иду на грозу”. Я перечитала ее совсем недавно и была поражена точностью предсказания, а ведь книга написана, казалось бы, в эпоху самого романтического и возвышенного отношения общества к науке. Не поленюсь и прочитаю небольшой кусочек. Речь идет об одном бездарном исследователе, который в силу сложившихся обстоятельств уходит из лаборатории, где был рядовым сотрудником, и начинает заниматься *управлением наукой*. Вот его переживания: “Происходило удивительное: он чувствовал себя на невидимом пьедестале, с высоты которого открывался (смотрите, что же открывается с обретенной высоты? Лаборатория с ее устаревшими приборами и установками для измерений? Неспешная лабораторная жизнь? Возможность добыть новое оборудование? Или открытие уравнений, которые расчетливо приведут к новым фактам? Нет!)... простор кабинетов, деловых и строгих, с отдельным столиком для телефонов, среди которых есть прямой *туда*, и просторы длинных столов заседаний, крытых синим сукном, там был стук каблучков секретарши и стук карандаша по графину, и похлопывание по плечу, и очередь в приемной, и приемы с тостами, знакомствами и рукопожатиями...” Продолжать не буду, все уже сказано и понятно, чем *завлаб* отличается от *управленца*.

Этого мы боимся, но не знаем, как противостоять новой реальности, молодым менеджерам, которые даже и специального образования не имеют, а в лабораторию не входили никогда. В этих условиях любой академик в роли управленца и вся устаревшая, конечно, академическая система кажется куда как более привлекательной. Что было в РАН правильного, исторически правильного? Это то, что Петр Великий, малограмотный, в сущности, человек, но с колоссальным здравым чутьем, выразил в своем Положении 1724 г.: “*Академия сама себя правит*”. Сама собой управляет! Именно здравый смысл диктует: невозможно результаты исследований оценивать ни с каких позиций, кроме как с позиций научного сообщества. И никакой социальный контекст не должен это изменить!

Не буду останавливаться на проблемах оценки эффективности и результативности науки, индексе Хирша, адекватности показателей РИНЦа и т.п. Об этом с большим профессионализмом расскажут другие. Но как человек, который уже имеет “объективные” оценки своих коллег и товарищей, да и себя самой, конечно, могу зафиксировать следующее: слишком часто и резко контрастирует высокий индекс Хирша некоего персонажа с той оценкой, которую дают ему коллеги по “гамбургскому счету”. Это очень тревожный разрыв, но кто из нас может убедительно обосновать эту тревогу для, скажем, ФАНО? Да и знает ли чиновник, назначенный управлять наукой, само словосочетание “гамбургский счет”?

Но есть пока и позитивные образцы научной самоорганизации. Я хочу сказать, что Российский гуманитарный научный фонд, 20-летие которого можно праздновать в этом

году, остается пока неким оазисом в темном, зыбком поле нашего бытия. Да, говорю это искренне. Мне кажется, надо осознать особенности накопленного своеобразного опыта.

За прошедшие годы я побывала почти на всех “ступеньках” в иерархии фонда: была грантозаявителем, получала гранты, исследовательские и издательские, отчитывалась по ним, была экспертом первого уровня, членом Координационного совета, координатором секции. Наблюдала, как в середине 90-х гг. на фоне царившего хаоса люди вдруг получали возможность издать мощную монографию (скажем, “Университет для России”, подготовленную историками МГУ) и потом на презентации и банкете в честь данного издания совершенно бескорыстно пили за здоровье и благополучие РГНФ. Можно было наблюдать и то, как улучшались разработанные формы анкет, отчетов, способы проведения экспертных совещаний, как отрабатывалась информационная система, развивалось издательское дело. Многое на самом деле изменилось к лучшему. Но самое сильное впечатление всегда оставалось от работы экспертных советов: какая внимательность, какая ответственность, какая изысканная профессиональная компетентность! Жаловаться приходится на одно: мало грантов, а достойных заявок, которые следовало бы поддержать, все-таки больше. Не скажу, что речь идет о том, чтобы поддерживать всех заявителей, отнюдь не так, но все-таки (в особенности по моей секции “Науковедение и социальная история науки”) количество грантов слишком мало. Актуальность науковедческой тематики сейчас очевидна всем, а мы способны поддержать только 5–6 проектов в год. Каждый год два-три перспективных проекта остаются за чертой. Во всем остальном работа в экспертном сообществе доставляет искреннее удовлетворение, дарит чувство профессионального удовольствия.

Что в накопленном РГНФ опыте примечательного и замечательного? Обратите внимание: именно государство создало некую организационную площадку, в рамках которой успешно объединились для работы эксперты самых различных социогуманитарных дисциплин. За прошедшие годы возникло подлинное эпистемическое сообщество, как на Западе принято называть такие формы самоорганизации и самоуправления в проведении важнейших для общества экспертиз. Консенсус в процессе совместной работы и обсуждения возникает без постороннего давления и контроля. Как этот островок рациональности возник среди всеобщей сумятицы и дезориентации? Просто загадка! Этот драгоценный опыт должен быть осмыслен, описан и сохранен. Искренне желаю фонду беречь традиции, не сдаваться и не отступать, не потеряться в турбулентном потоке сомнительных социальных инноваций.

Б.Г. Юдин: Я хотел бы затронуть несколько сюжетов из числа тех, что уже были обозначены в нашей дискуссии. Прежде всего – тоже вспомнить про 1994 г., когда РГНФ только-только начинал свое существование. Один из первых проектов, который был поддержан фондом, – это проведение довольно большой конференции, посвященной этическим проблемам биомедицинских исследований. То было, видимо, первое в нашей стране столь основательное обсуждение этой темы, и нам удалось собрать довольно сильный состав участников: не только философов и юристов, но и медиков, и биологов, были даже священники. Благодаря фонду мы к конференции выпустили книжку, и это тоже было первым у нас в стране изданием, специально посвященным этике биомедицинских исследований (Этические и правовые проблемы клинических испытаний и научных экспериментов на человеке и животных. М., 1994). Сегодня, спустя 20 лет этика биомедицинских исследований – вполне respectable область не только исследований, но и практических взаимодействий, со множеством изданий, публикаций, тренинговых программ и институций, таких, как этические комитеты, а ведь все начиналось с той конференции. На мой взгляд, это отличная иллюстрация того, насколько результативным может оказаться поддержанный фондом проект.

Вообще-то, на мой взгляд, создание фондов, поддерживающих научные проекты, сначала РФФИ, а затем и РГНФ – это едва ли не единственное действительное достижение многочисленных попыток реформирования науки в России. Я говорил об этом в начале двухтысячных, на одном из совещаний с участием тогдашнего министра науки А.Н. Дондукова. С тех пор прошло немало лет, наша наука претерпела множество реформ, но все

они, на мой взгляд, только ухудшали ее положение. Быть может, шагом в правильном направлении станет создание Российского научного фонда?

Конечно, как и всякая работающая система, научные фонды подвержены действию энтропийных процессов, так что с течением времени, если не предпринимаются соответствующие меры, происходит умножение тех или иных дефектов. Важно, однако, чтобы эти необходимые меры не лишили фонды, финансирующие науку, их главного преимущества – того, что ключевую роль в оценке предлагаемых проектов играет научное сообщество. К числу негативных перемен в деятельности наших фондов я отнес бы отчетливо проявляющуюся в последние годы в РФФИ тенденцию последовательного урезания поддержки исследований в сфере наук о человеке и обществе и резкого ограничения их проблематики. В настоящее время на получение грантов в этом отделе РФФИ могут рассчитывать лишь те проекты, которые подпадают под рубрику “естественные методы в гуманитарных науках”, что, очевидно, ни в коей мере не исчерпывает проблематики “наук о человеке и обществе”. Еще одной энтропийной тенденцией я бы счел прекращение финансирования грантов на проведение научных мероприятий и на участие в них, а также ограничение издательских проектов лишь теми, которые связаны с тематикой соответствующих исследовательских проектов. Вообще научная деятельность многоаспектна, многофункциональна, и специальной поддержки требуют не только собственно исследовательские проекты, но и все то, что так или иначе способствует развитию понятий в самом широком смысле слова научно-исследовательской инфраструктуры.

Теперь мне хотелось бы затронуть еще один круг проблем, который уже обсуждался сегодня: то, что связано с оценкой эффективности, результативности исследований, с пресловутыми индексами. Мне довелось участвовать в исследовательском проекте, который был поддержан РГНФ и посвящен количественным оценкам исследований в гуманитарных науках, прежде всего в философии, иначе говоря, измерению философии (Измерение философии: Об основаниях и критериях оценки результативности философских и социогуманитарных исследований. М., 2012). Я стараюсь следить за литературой, касающейся этой тематики, за последние года два видел множество отзывов представителей научного сообщества об этих индексах, и ни разу не видел положительного отзыва! Это относится и к Австралии, и к США, и к европейским странам, и, естественно, к России, повсюду ученые не находят по этому поводу никаких слов, кроме ругательных.

А.В. Юревич: Те, у кого высокий индекс, с удовольствием играют в эту игру.

Б.Г. Юдин: Буквально вчера вечером я получил статью, опубликованную в электронном журнале по биологическим наукам e-Life, автор – старший редактор этого журнала, физиолог Ив Мэрдер из университета Брэндис, штат Массачусетс. Она пишет: “Было опубликовано множество редакционных статей и комментариев по поводу того, какие метрики верны, а какие – нет для оценки журналов, факультетов, отдельных ученых. Импакт-факторы журнала, количество цитирований, индексы Хирша, количество просмотров страниц и обращений к статьям и самые разные иные меры – все они имеют своих сторонников и критиков, но за редкими исключениями разговор об этих метриках строится на некритически принимаемом допущении, что они подсчитаны надежным образом. Иначе бы никто, находясь в здравом уме, не подумал бы использовать эти метрики для принятия решений о приеме на работу или финансировании” (*Eve Marder. Living science: In numbers we trust? // eLife 2014;3:e02791*). Но если все другие количественные данные ученые принимают только после тщательной проверки и перепроверки, то этими показателями нередко пользуются без понимания того, что именно они обозначают и насколько надежно они получены. Автор далее приводит яркие примеры того, как резко (примерно на 30%!) расходятся данные по цитированию одной и той же статьи в двух разных системах подсчета, Google Scholar и Web of Science. С течением времени количество обращений к некоторым из ее статей почему-то не выросло, а уменьшилось. Я не знаю, продолжает она, какие данные более точны – старые или новые, и почему могло уменьшиться количество обращений, но возникает вопрос, а стоит ли верить в надежность всех этих данных?

Теперь о том, что говорил Борис Исаевич в начале нашей дискуссии по поводу публикаций с искаженными данными. Это отдельная тема, я надеюсь написать по это

отдельную статью, поскольку фальсификация или даже фабрикация исследовательских данных – явления сегодня очень опасные и далеко не такие уж редкие, с которыми в последние годы стали активно бороться. Появляются, в частности, новые методы проверки результатов исследований. Известна, в частности, деятельность “Кокрановского сотрудничества” (“Cochrane Collaboration”) – международной организации, занимающейся проверкой эффективности медицинских средств и методик путем проведения контролируемых исследований. Подобного рода проверочные механизмы создаются чаще всего в сфере биомедицинских исследований, что имеет свои причины, такие, как повышенный риск для здоровья и даже жизни пациентов, проистекающий от препаратов и методик, получивших одобрение в результате недобросовестно проведенных исследований.

В последние годы обозначилась еще одна интересная тенденция: стали перепроверяться ранее проведенные исследования и написанные на их основе статьи. Проведение таких повторных исследований – дело достаточно дорогое, да и мотивация исследователей при этом будет не столь высокой, как при проведении исследований, направленных на получение новых данных. Но, тем не менее, приходится на это идти, учитывая серьезность последствий, порождаемых недобросовестными исследованиями. Складывается такая практика, когда статьи, не выдержавшие проверку, убираются из архивов; более того, убираются даже последующие ссылки на такие статьи.

В связи с проблемой добросовестности исследований хотелось бы поставить вопрос о возможной роли нашей Академии наук в этой сфере. Я считаю, что даже в нынешней ситуации, когда функции РАН очень сильно урезаны, она обладает достаточно высоким авторитетом в нашем научном сообществе. Более того, у нее остается такая роль, которую не в состоянии выполнить ни одна из существующих в нашей науке или около нее институций. Речь идет о том, что Российская академия наук в системе отечественной науки была и остается структурой, задающей стандарты добросовестного и качественного проведения исследований, следования определенным этическим нормам.

Я вовсе не считаю, что РАН является в этом отношении безупречной. Вообще этические нормы – и это касается не одной только науки – нарушаются очень и очень часто. Но, тем не менее, важно само наличие такой структуры, которая задавала бы какую-то планку того, что считается корректно проведенным исследованием. Боюсь, что если убрать с этого места РАН, то останется весьма опасная пустота. Наверное, какие-то исследования, которые ранее проводились под эгидой Академии, можно будет проводить и в складывающихся сегодня новых условиях. Но этой функции создания и поддержания образца в нашей науке не заменит ничто другое.

Хочу напомнить, что когда академик В.Е. Фортов выдвигался кандидатом в президенты РАН, один из важных тезисов его программы состоял в том, что Академия очень слабо и мало занималась тем, чтобы обеспечивать поддержку науки со стороны общества. На мой взгляд, это была очень ценная позиция, но я не вижу, чтобы сегодня что-нибудь делалось в этом отношении. С точки зрения поддержания стандартов добросовестности, а также и укрепления доверия общества по отношению к науке мне представляется очень значимой деятельность движения “Диссернет”, которое борется, и притом весьма активно, с плагиатом в диссертациях, с этой, быть может, наиболее болезненной язвой недобросовестности в науке. А какова реакция РАН? Нулевая. Можно, конечно, отгораживаться от проблемы и успокаивать себя тем, что липовые диссертации делаются и защищаются, как правило, в вузах, а не в Академии. Однако общественное мнение не обязано замечать эти различия, так что в его восприятии грязное пятно ложится на всю науку, включая и академию. Возможно, и в этом молчании РАН одна из причин того, что плагиаторы от науки чувствуют полную безнаказанность.

С этим связана и еще одна проблема, проблема борьбы с шарлатанством от науки. Пока был жив академик Э.П. Кругляков, он был одним из признанных лидеров в этой борьбе, а без него хотя что-то и делается, но руководство РАН особой поддержки не оказывает. На фоне какого-то жуткого мракобесия, в которое быстро погружается наше общество, хотелось бы, чтобы РАН играла намного более существенную, более заметную роль

в поддержании стандартов научности, если воспользоваться этим не очень часто употребляемым сегодня словом.

И еще один сюжет. Я не совсем согласился бы с Натальей Ивановной относительно того, что этос науки, как он был описан Р. Мертоном, остается неизменным. Так, из сформулированных им норм, вытекало, что когда ты публикуешь полученные тобой результаты, тем самым делая их всеобщим достоянием (коммунизм по-мертоновски), ты, перед тем как предъявлять их, должен их проверить и перепроверить. Сейчас же ситуация такова, что хотя это требование и остается в силе, но работают и прямо противоположные нормы: надо как можно быстрее делать новый результат всеобщим достоянием. Кстати, и сам Мертон после критики его концепции писал об этом в статье 1963 г. “Амбивалентность ученых”. Но сейчас необходимость публиковать результаты как можно быстрее диктуется требованиями не только научного сообщества, но и более широкого круга адресатов, которые могут быть в нем заинтересованы: это может быть бизнес, потенциальные потребители какой-то технологической инновации и т.п. В то же время сегодня стала весьма значимой и просто “антикоммунистическая” установка, когда новое знание рассматривается не столько как всеобщее достояние, сколько как собственность того, кто его получил.

Эти изменения являются следствием того, что сегодняшняя наука устроена во многом иначе чем та, которую Мертон описывал в своих работах. Я не имею в виду того, будто наука того типа ушла совсем в прошлое, нет, она осталась, но наряду с ней существуют и совсем новые формы науки, например, та технаука, о которой говорил здесь Владислав Александрович Лекторский. Я не берусь оценивать феномен технауки в целом, в нем многое еще подлежит выявлению и изучению. Что-то в нем можно считать позитивным, а что-то – негативным, но одна из важных особенностей технауки – весьма специфический тип ее взаимодействия с обществом. Она пребывает не где-то сверху или сбоку от общества, лишь время от времени снисходя до него – примерно так принято понимать взаимоотношения с обществом науки в ее более классическом варианте. Нет, технаука живет внутри общества, порождая такие феномены, как, скажем, биомедицинские исследования, которые организуются, а то и финансируются пациентами, их родственниками или пациентскими организациями, коль скоро они заинтересованы в разработке и продвижении препарата, помогающего при каком-то определенном заболевании. Например, у нас в России есть такие движения пациентов, весьма активные, которые оказывают давление на Минздрав с тем, чтобы способствовать созданию препаратов, помогающих при лечении орфанных, т.е. редких, заболеваний. Экономически разрабатывать препараты для таких заболеваний невыгодно, но в игру включается еще один фактор – интересы определенной группы населения, способной выступать в качестве сильного социального игрока. Для понимания такого рода ситуаций, между прочим, немало дает и упоминаемый с некоторым негативным оттенком Б. Латур.

В.Г. Горохов: В Германии институты финансируются тоже населением, и правительство обращается к ним, чтобы получить данные.

Б.Г. Юдин: Да, есть и такие формы того, что принято называть включенностью общества в науку (public engagement in science). Роль общества, публики во взаимодействии с наукой тоже существенно изменяется. Прежде эта роль считалась исключительно пассивной: общество лишь воспринимает, лучше или хуже, то, что считают нужным сообщить ему светила науки. Оно, естественно, невежественно в том, что касается последних достижений науки, так что на долю научного сообщества ложится обязанность просвещать публику, которая в результате поймет важность и значимость того, что делают ученые, а стало быть, будет более склонно поддерживать и финансирование исследований. Такую модель взаимоотношений науки и общества принято называть дефицитной (имея в виду дефицит научных знаний у общества). Сегодня, однако, разрабатываются модели, основанные именно на обеспечении включенности, активной вовлеченности общества, прежде всего в лице тех или иных заинтересованных групп, тех же пациентов, например, в определение исследовательских приоритетов. Именно в подобного рода ситуациях оказывается полезным латуровское различие, даже противопоставление науки, понимаемой в

более традиционном смысле, и исследования как некоторого комплекса, в котором наука выступает в качестве лишь одной, хотя и принципиально важной, составляющей.

Л.П. Киященко: Так технаука — это прикладная наука?

Б.Г. Юдин: Технаука, безусловно, ориентирована на создание новых технологий. Но само это понятие, на мой взгляд, “работает” в иной плоскости, чем различие фундаментального и прикладного, поскольку имеется в виду прежде всего то, как организована при этом исследовательская деятельность: она выступает не только как сочетание исследовательской лаборатории и инженеров. Это еще и особым образом подключающийся бизнес, и особым образом участвующие средства массовой информации, и, наконец, массовый потребитель (а стало быть, и оценщик) производимых таким образом технологических продуктов.

В.Г. Горохов: Но теоретические исследования играют ведущую роль.

Б.Г. Юдин: Я бы не совсем с этим согласился. Вопрос, конечно, заслуживает отдельного обсуждения, причем довольно обстоятельного. Отмечу, тем не менее, что сама тематика включенных в этот комплекс теоретических исследований определяется не свободным поиском, а каким-то достаточно конкретным заданием. В этих случаях говорят об ориентированных исследованиях, иногда (и, опять-таки, прежде всего это относится к биомедицине) о трансляционных исследованиях, призванных ускорить перенос лабораторных данных в клинику. Я хочу обратить ваше внимание на то обстоятельство, что столь привычного для нас различия фундаментальных и прикладных исследований далеко не всегда бывает достаточно для адекватной характеристики сегодняшней исследовательской практики.

Е.А. Мамчур: Я попытаюсь ответить на первый вопрос, предложенный организаторами “круглого стола”, о том, какие тенденции в развитии науки можно считать позитивными, а какие негативными. Ограничусь при этом только когнитивным аспектом. Как бы ни были важны социальный и культурный аспекты, без анализа когнитивного аспекта полной картины мы не получим.

От науки все чего-то ждут. Представители властных структур, осуществляющих политику в области организации научных исследований и финансирования, хотят, чтобы наука была максимально полезной и приносила как можно больше выгоды государству в экономическом отношении. Гуманитарии требуют, чтобы естественные науки решали экзистенциальные проблемы человека и делали людей нравственными, добродетельными и счастливыми. При этом, с их точки зрения, как раз те свойства науки, которые приветствуются сторонниками первой точки зрения (назовем их для краткости “прагматиками”), являются большим ее недостатком.

В самом деле, “прагматики” хвалят фундаментальную науку за то, что она является источником технологических новаций. И чем более нацелена фундаментальная наука на технологию, тем, с их точки зрения, она лучше организована. Гуманитарии же именно за нацеленность на развитие технологии и ругают науку. Они критикуют ее за то, что она, якобы, занята только обслуживанием технологии и совершенно игнорирует духовные запросы человека, бросив его в этом отношении на произвол судьбы. “Накормив” людей и облегчив их быт, она отказывается отвечать на те экзистенциальные вопросы, которые волнуют человечество.

Представляется, однако, что прежде чем требовать чего-либо от науки, нужно знать, как она функционирует и какие объективные закономерности лежат в основе ее развития. И прагматики, и гуманитарии рассматривают фундаментальную науку не саму по себе, а в ее связке с технологией. Но ведь до сих пор никто толком не знает, как взаимодействуют между собой эти две сферы человеческой активности, какова адекватная реальному положению дел модель их взаимоотношения.

В XX в. интерес к вопросу о механизмах взаимодействия науки и технологии был в значительной степени стимулирован известным докладом главы существовавшего в США в годы Второй мировой войны Министерства научных исследований и развития науки Ванневары Буша, который он написал по просьбе президента США. В письме президента ставился вопрос, какова должна быть стратегия развития науки в США в послевоенное

время. Буш представил свои соображения о том, как следует распределять инвестиции в научные исследования в мирное время. Он полагал, что наилучшая стратегия развития науки – вкладывание средств в фундаментальную науку.

Примечательно при этом, что В. Буш утверждал, что *фундаментальные исследования должны вестись без оглядки на возможные приложения*. Ученые не должны думать о практическом использовании результатов фундаментальных исследований. Напротив, чем более ученые, занятые в чистых исследованиях, будут далеки от идеи полезности, тем более продуктивными будут результаты их деятельности, причем не только в самой науке, но и в технологии.

Многие западные философы науки думают, что Буш отчасти лукавил, предлагая такую стратегию, поскольку преследовал прагматическую цель – защитить науку от государственного контроля (чистые исследования государством не контролируются), но при этом сохранить ее финансирование. Представляется однако, что стратегия Буша была глубоко им продумана. В своем докладе он писал, что научный прогресс в широком смысле этого слова является результатом “свободной игры свободных интеллектов, работающих над темами, выбранными ими самими, и разрабатываемыми методами, диктуемыми их собственной любознательностью”. Роль фундаментальных наук состоит с его точки зрения в том, чтобы открывать все новые законы природы, отодвигая, таким образом, границы ее фундаментального понимания.

“Прагматики” забывают, что у чистой науки есть два вектора функционирования и развития. Один из них действительно направлен на развитие технологии. Но это не главная задача науки. В конце концов, развивать технологию удастся, и довольно часто, не выходя в сферу чистой науки, а основываясь на предшествующих технологиях. Главная задача фундаментальной науки – объяснить мир, делать его интеллигибельным. И именно в этом состоит ее подлинное величие.

Правильность предлагаемой Бушем стратегии очень скоро подтвердилась в разработках, связанных с освоением космоса. Историки космонавтики пишут о том шоке, которые испытали США, получив сообщение о полете в Космос советского космонавта Ю.А. Гагарина. По их мнению, первым должен был стать американский космонавт. Чего только не писали (в утешение себе) в это время американские СМИ! Вплоть до того, что заявляли, что значительно приятнее видеть свободного американца на свободной земле, чем советского раба в космосе. Однако и в Америке нашлись умные люди, которые очень верно указали на причины поражения Америки в соперничестве с СССР в освоении космоса. Одним из них был президент Дж. Кеннеди. Известно, что после того, как он узнал о полете Гагарина, он на собранной им пресс-конференции сказал: “Победило советское образование. Ребята, надо учить физику, иначе нам придется учить русский”.

Заметим, он не сказал, что нужно развивать технику. Хотя это, конечно, подразумевалось. Он сказал о том, что нужно изучать и развивать чистую фундаментальную науку. Это замечание напоминает мне одно из высказываний Ф.М. Достоевского, сделанное им, правда, не по поводу роли фундаментальной науки в развитии технологии, а по поводу роли философии в развитии техники. “Там, где образование начиналось с техники (у нас реформа Петра), никогда не появлялось Аристотеля. Напротив, замечалось необычайное суживание и скудость мысли. Там же, где начиналось с Аристотеля (Renaissance, 15-е столетие), тотчас же дело сопровождалось великими техническими открытиями (книгопечатания, пороха) и расширением человеческой мысли (открытие Америки, Реформация, открытия астрономические и проч.)”.

Казалось бы, нет ничего более далекого от техники, чем философия. Как тогда изучение философии может оказать плодотворное воздействие на развитие техники? Дело, по-видимому, в том, что изучение философии расширяет мировоззренческий горизонт будущих инженеров, помогает преодолеть узость мысли. Но это же делает и фундаментальное научное знание. В этом оно сродни философии. Расширяя теоретические горизонты будущих инженеров и обеспечивая объяснение окружающего мира, оно помогает им увидеть возможность новых практических приложений, способствуя, таким образом, и развитию техники.

К сожалению, в настоящее время верх берут прагматики, настаивающие на том, что финансироваться должны главным образом те исследования, которые вносят вклад в разработку технологий. Казалось бы, в этом нет ничего плохого. На самом деле, однако, рассматриваемая в более или менее удаленной перспективе тенденция прикладнизации науки приобретает негативный характер. (Это обстоятельство было очень верно подмечено в выступлении Б.И. Пружинина.) Она приводит не только к снижению интеллектуального уровня общества, принявшего ее как должное, но и к замедлению развития самой техники.

К сожалению, тенденция прикладнизации науки проявляется и в нашей стране. Многие представители институций, отвечающих за функционирование и развитие науки, движимы только одним стремлением – получать быструю экономическую выгоду от научных открытий и технических изобретений. Задача философов – донести до власть предержащих всю пагубность этой политики чиновников. Внушить им мысль о необходимости заглядывать в будущее, жить не только сиюминутными интересами, а уметь просчитывать развитие ситуации на несколько ходов вперед с тем, чтобы уже в ближайшем будущем не оказаться в числе безнадежно отставших стран или вообще отброшенных на обочину мировой цивилизации.

Теперь другой вопрос, который тревожит гуманитариев. Помогает ли наука решать экзистенциальные проблемы, столь остро переживаемые людьми на всех этапах развития человеческого общества? Способствует ли она повышению уровня нравственности общества? Напрямую – нет. Решение этических и экзистенциальных проблем не входит в задачи науки (по крайней мере, естественной) так же, как не входит в ее задачи нравственное воспитание людей. В культуре существует своеобразное разделение труда. Единственная функция науки в культуре состоит в том, чтобы добывать объективно истинное знание о мире. Вопросы морали, нравственности решаются этикой, одной из философских дисциплин. Кант в свое время высказал соображения о существовании пределов и границ теоретического разума, указав при этом на то, что моральные и экзистенциальные проблемы находятся за этими границами.

Существование пределов теоретического разума хорошо осознают и многие думающие естествоиспытатели. Как ни привержены науке, на какой бы пьедестал ее ни возносили, они понимают, сколь многое лежит за пределами ее возможностей. Наука не может сказать нам, почему плохо убивать людей или заниматься инцестом, утверждал в связи с этим лауреат Нобелевской премии по биологии Жак Моно. Этот вопрос решает этика и мораль. Более того, даже если бы наука знала, как различать добро и зло, она все равно не смогла бы сделать человека более нравственным. Рационалистическая этика Платона и Сократа потерпела фиаско. Согласно этой этике, в основании добродетели лежит знание. “Добродетель, поскольку она полезна, и есть знание, – учил Сократ. – Человек, осознающий различие между добром и злом, не станет делать зла” (Платон. Сочинения в 4 т. 1968. Т. 1. С. 396). Но история человечества показала, как часто люди, вполне осознающие, что они совершают дурные поступки, все равно продолжают совершать их.

Само по себе знание того, что есть добро, а что зло, не делает человека добрым или нравственным. Значит ли это, что наука вообще не вносит вклада в воспитание нравственности? Думается, что нет: наука (в том числе и естественная) способствует духовному воспитанию людей. Только делает она это не непосредственно, не через добываемое ею знание о мире. (Хотя это также необходимо.) Главное в том, что она учит человека мыслить.

Научное знание отличается от всех других типов знания тем, что все его утверждения обычно хорошо обоснованы. (Как говорит В.С. Степин, обоснованность знания является самым важным идеалом науки, сохраняющим свое значение на всех этапах ее функционирования.) Научая человека мыслить, не принимать ничего на веру, всегда искать аргументы, доказывающие правильность или неверность той или иной позиции, наука воспитывает свободную человеческую личность, умеющую мыслить самостоятельно. Изучая науку или занимаясь ею, люди обретают способность сохранить независимость мышления, про-

тивостоять чужим влияниям и не становиться марионеткой в руках других людей, в том числе и в руках власть имущих.

Так что на вопрос о том, какая наука нам нужна, можно ответить так: нам нужна именно такая наука, которая сейчас существует. Нужно только уметь воспользоваться теми возможностями, которые она открывает. Для этого необходимо усилить поддержку фундаментальной науки в плане ее финансирования и создания условий для проведения чистых исследований. С другой стороны, памятуя о возможностях науки в плане духовного совершенствования людей, необходимо скорректировать образовательные программы в отношении доли и качества преподавания естественных и социальных наук в школах и вузах страны.

Пользуясь случаем, хочу поблагодарить руководство и сотрудников РГНФ, юбилей которого мы сейчас отмечаем, за широту мышления, за понимание важности фундаментальной науки для экономики и для нравственного совершенствования общества. Поддерживая и финансируя проекты, связанные с философским анализом науки, фонд делает благое дело, значение которого трудно переоценить.

А.В. Юревич: Я сделаю несколько замечаний относительно общих – мировых – тенденций в развитии науки и о том, что происходит в нашей стране. Общих тенденций довольно много, но понятно, что нельзя объять необъятное. Поэтому я бы остановился на двух. Конечно, о чем здесь много говорилось, происходит “прикладнизация” науки. При этом появляются некие смешанные, переходные ее формы. В частности, у нас сейчас очень поощряется проведение *практико-ориентированных фундаментальных* исследований. Происходит также изменение соотношения между фундаментальными и прикладными исследованиями, причем и в рамках каждого из этих типов исследований тоже заметны изменения. В частности, в последние годы в мировой науке примерно в 1,5 раза сократился удельный вес авиакосмических исследований и в 2 раза увеличился удельный вес компьютерных разработок. Образно говоря, мировая наука переключается с “космической” на “компьютерную” траекторию развития. Не знаю, можно ли охарактеризовать эту тенденцию как позитивную или негативную. Скорее всего, она сама по себе нейтральная. Но если завтра на нас нападут инопланетяне, мы пожалеем о том, что недостаточно развивали авиакосмическую технику. Наверное, это связано с общими тенденциями в развитии человечества и с тем, что космические исследования его разочаровали. В них вкладывалось много денег и сил, но космос не стал ближе, контакты с представителями иноземных цивилизаций сейчас так же нереальны, как во времена А. Азимова и Р. Брэдли, и относятся к области научной фантастики.

Худшей из тенденций, проявляющихся в современной науке, я считаю повальное увлечение наукометрическими показателями продуктивности. Напомню, что Р. Мертон – учитель Ю. Гарфилда – на вопрос о том, как он относится к изобретению своего ученика, ответил, что эти показатели могут быть полезными для решения ряда исследовательских задач, но упаси Бог, если когда-нибудь кому-нибудь взбрдет в голову оценивать на их основе продуктивность ученых и научных институций. Аналогичные предостережения делали сам Гарфилд, Д. де Солла Прайс, наш В. Налимов и другие основатели наукометрии. Как теперь выясняется, они как в воду глядели.

По общему признанию, повальное увлечение этими показателями уже погубило австралийскую науку, сейчас губит английскую и науку ряда других стран, ученые которых вместо того, чтобы писать новые научные труды, в основном озабочены наукометрическим “разыгрыванием” старых. Широко применяются и так называемые “китайские технологии”, названные в честь страны, ученые которой в наибольшей степени преуспели в их применении. Например, один из них умудрился сослаться на самого себя более 3 тысяч раз.

По данным Института научной информации США, около 40% опубликованных научных статей вообще никогда не цитируются, из цитируемых 70% цитируются один раз в год, 24% – 2–4 раза, около 5% – от 5 до 9 раз, и лишь менее 1% – 10 и более раз (при этом около 80% ссылающихся на научные статьи их не читают, а довольствуются вторичными ссылками). Однако представление о “ненужности” нецитируемых или низ-

коцитируемых статей, как и идея оставить в науке одних гениев, уволив всех остальных, ни в чем не уступает намерению строить дома из одних верхних этажей, не опирающихся на нижние.

Скажу, не стесняясь в выражениях, и о том, что вообще научная политика нашей страны сильно напоминает “помойку”. Идеологемы и принципы, которые списываются в тираж из общегосударственной политики, настойчиво и последовательно реализуются в научной политике. Так, с первым приходом к власти В.В. Путина у нас были провозглашены принципы суверенной демократии, суверенной внешней политики и т.п., а политика 1990-х гг., основанная на полном копировании западных образцов, была признана ошибочной, а то и преступной. Этот курс на самостоятельность и независимость от Запада достиг своего апогея в связи с событиями на Украине. А что мы видим в нашей научной политике? Стремление перестроить всю нашу науку по западным образцам, а главной целью провозглашено наращивание количества публикаций в англо-американских журналах. Не парадокс ли это?

По поводу взаимодействия современной российской науки и нашего государства отмечу, что главная проблема коренится, на мой взгляд, в отсутствии внятного социального заказа отечественной науке. Ученые не понимают, чего ждут от науки наше общество и наша власть, общество и власть не знают, что им может дать отечественная наука, которая оказалась в ситуации *функционального вакуума*. В результате вместо реальных целей перед отечественной наукой ставятся эрзац-цели, такие как наращивание количества публикаций в зарубежных, реально англо-американских, журналах. При этом проблема, как у нас часто бывает, видится не там, где она реально существует. Доля России в мировом массиве научных публикаций составляет 2,24%, а ее доля на мировом рынке наукоемких технологий – примерно 0,31%. Отношение второго показателя к первому можно назвать коэффициентом используемости научного знания. Если мы доведем даже до 5 % свою долю в мировом массиве научных публикаций, которую можно назвать вкладом России в мировой рынок научных идей, а нынешнее соотношение сохранится, то ее доля в мировом рынке наукоемкой продукции составит около 0,6%. Мировой престиж российской науки будет в какой-то мере восстановлен, но наша страна по-прежнему будет оставаться “сырьевым придатком” развитых стран. То ли это, что нам нужно?

В связи с оценкой научных результатов в гуманитарных, точнее, в социогуманитарных науках хочу обратить ваше внимание на то, что одной из главных функций социогуманитарной науки является решение основных социальных проблем того общества, в котором она развивается. Отсюда – ярко выраженная “национальная привязка” этой науки. Откройте любой наш, например, социологический журнал. Значительную часть публикуемых там статей посвящена изучению и решению наиболее острых проблем современного российского общества, таких как коррупция, чрезмерное неравенство доходов, формирование среднего класса и др. Для так называемых “международных журналов” они не интересны не в силу своего низкого научного уровня, а в силу региональной “привязки” своей проблематики. Наши социогуманитарии посвящают таким темам свои труды не потому, что они “изоляционисты”, а потому, что они – патриоты своей страны. И надо принять как должное внутривосточный характер значительной части наших социогуманитарных исследований, не стремясь искусственно выводить их на так называемый “мировой уровень”.

Кстати, в связи с получившим широкое распространение термином “мировая наука” отмечу, что под ней у нас обычно понимается некий мировой мейнстрим, русло которого сформировано англо-американской наукой. На мой взгляд, правильнее понимать под ней всю *совокупность национальных наук*, какими бы непохожими на западную науку они ни были и в каких бы отношениях с нею не находились. Здесь уместна аналогия с мировой культурой. А не считать мировой наукой какую-либо национальную науку так же нелепо, как не считать какую-либо страну частью человечества.

Уместно и выдвижение понятия “оптимум интеграции”. Интеграция в мировой мейнстрим национальной науке, конечно, необходима. Но если эта интеграция чрезмерна и выглядит как растворение, национальная наука утрачивает свою специфику, “подчищает

хвосты” западной науки и становится не интересной для Запада. Яркий контрпример – феномен Л.С. Выготского, который творил за “железным занавесом” (более уместна метафора стекла с односторонней прозрачностью), не публиковался за рубежом, но после своей смерти стал самым цитируемым на Западе российским психологом благодаря тому, что в его работах содержалось остро недостающее западной психологии.

В.А. Лекторский: С Бахтиным то же самое.

А.В. Юревич: Да. При этом “открывшаяся” Западу современная российская психология, в том числе развиваемая нашими многочисленными эмигрантами, не интересна для него, поскольку концептуально не отличается от западной. Так что при всей интернациональности современной науки сохранение ее национального своеобразия, плюрализма интеллектуальных пространств идет на пользу и национальной, и мировой науке.

А в связи с оценкой социо-гуманитарной науки и важностью ее не только когнитивных, но и социальных функций, таких как изучение и решение социальных проблем, добавлю, что необходимым показателем должен стать “коэффициент медийности”, демонстрирующий социальную резонансность социо-гуманитарных исследований. О ней можно судить, например, по количеству упоминаний ученого и его трудов в Интернете.

Насколько мне известно, у нас значительная часть населения совершенно не различает Российскую академию наук, академию оккультных наук и т.д. Те же, кто различают, действительно проявляют высокий уровень доверия к РАН. А вот власть, похоже, больше доверяет так называемым независимым исследовательским центрам, руководители которых постоянно “мелькают” в СМИ.

И последнее – по поводу научных фондов. Наверное, говорить о позитивных результатах их деятельности – это ломиться в открытую дверь: они очевидны. А что касается крайности – осуществлять основную часть финансирования отечественной науки через фонды, это, по-моему, полная нелепость. В системе жизнедеятельности любого академического института, и не только академического, существует масса вещей, которые в принципе не могут быть оплачены через фонды. Я не буду приводить примеры, поскольку они достаточно очевидны. Возникают и нелепые противоречия. Например, противоречие между государственными законами и правилами деятельности фондов. Так, чтобы взять соисполнителя в проект, надо объявить конкурс в соответствии с законодательством. А по правилам РГНФ менять состав основных исполнителей нельзя, за исключением экстренных обстоятельств. Как одно с другим сочетать, совершенно непонятно. Мне удивительно, как мы до сих пор не изобрели такой национальный вид спорта, как бег в кандалах, потому что многое, что мы делаем, делается подобным образом. Но, тем не менее, хочется надеяться на лучшее.

Н.И. Кузнецова: Фонды поддерживают то, что я называю огородной культурой: редиска, морковка. Посадил весной – она у вас уже летом урожай даст. Но нам же нужны и плодовые деревья. Они не могут вырасти за два-три года, ведь срок гранта очень короткий.

Б.И. Пружинин: Смотрите, что означает, например, тезис о переносе науки в вузы? Девятьсот часов нагрузки. Какая наука?! Какая наука может быть у человека, который целый день читал лекции?

В.Г. Горохов: К тому же совершенное вранье, будто в западных странах существует только вузовская наука.

А.В. Юревич: Например, в США вузовская наука составляет лишь 20% национальной науки.

Л.П. Киященко: Прежде всего мне хотелось бы отметить одно немаловажное условие успешности проведения нашего круглого стола. Организаторами круглого стола задана четкая палитра вопросов его проведения. Она не может не волновать как самих ученых, так и организаторов проведения научного процесса. Причем как те, так и другие совмещаются в лице экспертного сообщества, которое участвует в деятельности Российского гуманитарного научного фонда. Если говорить о работе РГНФ в целом, то её можно позиционировать как канал взаимодействия между политикой государства в отношении науки и развитием отечественной науки, закрепленным в существующих институциях: иссле-

довательских, образовательных. Фонд находится на пересечении встречных потоков, он стремится живо реагировать на основополагающие события в жизни страны. Основное в деятельности фонда – поддержка фундаментальных исследований по гуманитарным наукам в целях развития человеческого потенциала и невещественного богатства страны. Как известно, РГНФ создан в сентябре 1994 г. постановлением Правительства Российской Федерации. Фонд ежегодно проводит конкурсы научных проектов: основной конкурс по всем областям гуманитарного знания; региональные – совместно с 52 субъектами Российской Федерации; международные – с 17 партнерами из 15 стран; междисциплинарные – по приоритетным направлениям гуманитарных наук; совместные с ведомствами и организациями; поддержка молодых ученых (в возрасте до 39 лет); научных экспедиций; подготовка научных, научно-популярных и информационных изданий. Экспертами РГНФ являются около 1200 авторитетных российских ученых – докторов наук, работающих в 390 научных организациях и представляющих свыше 50 регионов Российской Федерации. К участию в экспертизе привлекаются зарубежные ученые. За два десятилетия в РГНФ поступили и прошли экспертизу более 120 000 научных проектов. Профинансировано более 35 000 проектов, в том числе выполнено более 21 000 проектов проведения научных исследований; издано более 5000 научных книг; опубликовано свыше 100 000 научных статей; проведено более 2000 научных конференций; создано около 1000 информационных ресурсов в сети Интернет. Всего за эти годы в рамках конкурсов фонд поддержал более 250 000 российских ученых, из них около 80 000 молодых.

На сайте РГНФ действует формат общественных обсуждений перспективных направлений научных исследований. Это прежде всего междисциплинарные и трансдисциплинарные исследования, последние отличаются от первых тем, что решается фундаментальная проблема, касающаяся взаимоотношений науки и общества, но которая имеет потенциал прикладного значения. Инновационная деятельность РГНФ уточняет традиционное соотношение фундаментальных и прикладных аспектов в научных исследованиях, решение фундаментальной проблемы приобретает общественный характер, необходимый для стабилизации жизни в обществе. Политика приоритетов сказывается и в поддержке коллективных грантов, которая не принижает значение индивидуальных заявок, но подчеркивает общественно значимые результаты совместно проводимых исследований. Научные результаты исследований в рамках проводимых конкурсов пополняются новыми формами их институционализации – созданием исследовательских коллективов, формируемых не только в рамках одной организации, а объединением исследовательских коллективов по всей нашей стране, а также с привлечением ученых из-за рубежа. На последнем Совете фонда, который состоялся в начале февраля 2014 г., решено проводить конкурсный отбор молодежных проектов вновь созданным экспертным советом по всем направлениям исследований. Кроме того, в плане усовершенствования правил грантовой поддержки было принято решение убрать из Устава фонда положение о необходимой ссылке на продолжающийся исследовательский проект при подаче заявок на издательский и проведение мероприятий гранты. Кроме того, было решено вернуться к трэвел-грантам как самостоятельному виду конкурса. Эти изменения в Уставе фонда направлены для утверждения в правительство.

Деятельность фонда, как я уже отмечала, является своего рода катализатором, поддерживающим баланс интересов научной деятельности и общества в целом, следуя принятым и обновляемым приоритетам государственной политики в нашей стране. Фонд, помимо стратегических решений, вынужден реагировать на текущие проблемы и трудности, например, совершенствованием информационного обеспечения проведения конкурсов, уточнения конкурсной документации для успешного проведения конкурсного отбора поступивших заявок и т.п.

Н.И. Кузнецова: Появился Российский научный фонд. Не “съест” он РГНФ?

Л.П. Киященко: Пока существованию РГНФ создание РНФ не угрожает. У этих фондов различные задачи, что собственно и нашло отражение в особенностях объявленных конкурсов РНФ. Это большие мегапроекты и по финансированию, и по формату исследовательских коллективов. РГНФ ориентирован на гуманитарные и социальные проекты,

а новый фонд такого рода проектам отвел лишь очень незначительную часть своих конкурсных площадок. РНФ начал свою работу в очень сжатые сроки проведения конкурса. В этой связи РГНФ оказал ему помощь, многие, если не все, эксперты нашего фонда были задействованы в проведении экспертизы проектов нового фонда.

В.А. Лекторский: Как, все?!

Л.П. Киященко: Предложено было всем, но не все приняли это приглашение. Но те, кто принял, работают и в нашем фонде, и там. И вот это, кстати говоря, фактор очень существенный, потому что можно заметить, кто и как подает заявки в РНФ. Были случаи, когда как новый проект подают то, что получило поддержку и завершилось в нашем фонде.

Многие эксперты, которые проводили экспертизу в РГНФ, помнят прошедшие через них заявки и отчеты. И в этом смысле позитив такой одновременной работы в двух фондах очевиден. Роль нашего экспертного сообщества, которое стабильно работает в одном фонде и в другом, значительна. Оно находится в гуще событий становления новых порядков проведения научных исследований, которые перепроверяют старые. В этой связи можно сказать, эксперты нашего фонда не только исследователи, но и активные участники самого становления и возникновения новых перспектив в гуманитарной науке. При всей кажущейся утопичности этого заявления. Определенная идеализация в том, что я сказала, есть. Но если брать за основу деятельности экспертного сообщества такую двойную функцию, то можно сказать, что активно действующий ученый помимо своей профессиональной деятельности не только анализирует происходящее в нашей науке, но и мысленно ориентирован на оптимизацию исследований, что, как мне кажется, повышает эффективность экспертной работы. Идеалы и нормы научного исследования должны быть живыми, адекватными реалиям нашего времени, то есть сохраняя необходимые нормы научного исследования, не должны останавливать процесс нормотворчества. Его результаты делают сам процесс исследования ответственным и включенным в решение реальных жизненных проблем. Наша задача – отслеживать эти порождающие начала и совместно проверять на пригодность, эффективную применимость на деле в публичном пространстве функционирования науки. Важно нарабатывать доступный и прозрачный для общественного мнения язык науки, в то же время его не профанируя. В Институте философии готовится международная конференция, поддержанная РГНФ, о публичном пространстве современной философии.

В.А. Лекторский: Наука должна быть публичной вообще.

Л.П. Киященко: Публичность понимается как открытость обществу, чтобы оно понимало, что происходит в науке, это конечно во многом задача ученых. А если мы договариваемся, что ученый не только исследователь, но еще и в доступной ему мере организатор научного процесса, то тогда получается, что научная деятельность приобретает реальные параметры человеческой деятельности, за которую приходится отвечать перед обществом. Вот это ответственное поступание, исследовательский цикл, призванный стремиться к истине как некоторому неотменяемому идеалу, который в реальной практике применения приобретает конкретные очертания научного результата, вписанного в жизнь общества.

Что касается междисциплинарных и очень дорогих проектов, которые, как правило, проводятся в течение трех лет. В настоящее время устанавливается практика, что прежде чем такие конкурсы будут объявлены, их тематические направления будут предварительно обсуждаться научной общественностью. Это значит, что на сайте РГНФ будут вывешены названия таких проектов, и научное сообщество может высказывать своё мнение.

В.А. Лекторский: А кто определяет приоритетность? Кто решает?

Л.П. Киященко: На заседаниях экспертных советов, когда принимались решения о поддержке конкурсных проектов, в ответ на просьбу руководства фонда сформулировать, что важно для сегодняшней ситуации в развитии гуманитарных наук, было проведено обсуждение и предложено несколько перспективных направлений. И именно их и предполагается обсудить на общественном форуме.

В.А. Лекторский: Советы подают, а решает руководство фонда? Так было, насколько я помню.

Л.П. Киященко: Давайте сделаем через сайт журнала ВФ объявление об открытии общественного обсуждения на сайте РГНФ приоритетов и перспектив развития нашей гуманитарной науки.

Б.И. Пружинин: Такого рода объявления мы можем вывешивать без проблем.

А.А. Гусейнов: Я бы хотел сделать два замечания. Первое касается развития науки. Второе – фонда, в связи с 20-летием которого проводится данное обсуждение.

На мой сугубо сторонний и дилетантский взгляд в наших рассуждениях о науке и её месте в современном обществе не учитывается, скажем точнее, не в достаточной мере учитывается тот фундаментальный факт, что развитие науки вышло из-под контроля тех, кто ею занимается. Оно представляет собой объективный процесс. Наука, как мы знаем, соотносится с объективным миром, она объективирует всё, что изучает – рассматривает как нечто такое, что существует независимо от неё и живет по своим законам. Теперь сама наука оказалась в таком же положении, и потребовалась отдельная наука (науковедение) для того, чтобы понять, что с нею происходит. Количество людей, занимающихся наукой, давно уже достигло величин, совокупная деятельность которых регулируется социологическими законами, имеющими дело не с индивидами, а безличными массами. Далее, наука зажата с двух сторон: она, с одной стороны, зависит от финансирования, а с другой, от своих прикладных следствий. Она включена в хозяйственный и социальные процессы, стала составной частью превращенного, отчужденного бытия. И надо говорить уже о науке не как о свободной деятельности, а как об особой социальной системе. Разумеется, в каждой отдельной точке, в лице отдельных ученых, в ситуации отдельных лабораторий научная деятельность остается в высшей степени целерациональной и подконтрольной тем, кто её осуществляет. Но в целом, в своих основных тенденциях, общественно значимых итогах, неожиданных поворотах наука предстает как стихия и подчиняется своим, во многом нам неизвестным законам.

К примеру, я пытаюсь обозреть, что происходит, о чем пишут в русскоязычной философии, и не могу этого сделать. Не могу даже охватить русскоязычную этику. Тем более это до невозможности трудно сделать в международном масштабе. И нет никаких механизмов (и, слава богу, что нет), которые все сводят воедино.

Или возьмем другой факт. Индекс Хирша. Когда вице-премьер О. Голодец выступала в Думе, представляя закон о реформе РАН, она неправильно оперировала этим термином. Над ней стали смеяться, что было правильно. Но ведь и многие из нас тоже не знают, что это такое, хотя нас по нему оценивают. Вдумайтесь: ученые не знают и не ориентируются на тот параметр, по которому оценивается их труд. Андрей Юревич говорил, что нет корреляции между нобелевскими лауреатами по физике и индексом Хирша. Интересно было бы узнать, как обстоит в этом отношении дело с лауреатами по экономике. Индекс Хирша – это ведь что-то новое, и можем ли мы быть уверены, что он или что-то подобное не войдет в нобелевские критерии?

Ещё одно эмпирическое наблюдение, свидетельствующее об объективности и в этом смысле иррациональности научной жизни. Мы все законно негодуем по поводу паранауки, а то и лженауки, которые конкурируют в публичном пространстве с научными знаниями, нередко вытесняют их. Не знаю, как в других странах, но в нашей, конечно, объем и востребованность паранауки и лженауки за последние десятилетия значительно выросли. И что любопытно, они подпитываются из научной среды. Это касается не только гуманитарных наук. Ведь и физики-чародеи не редкость. Похоже, пара- и лженаука сегодня такой же неизбежный спутник науки, как теневой бизнес спутник экономики, преступный мир – спутник легально организованной общественной жизни.

Борис Исаевич говорит, что в науковедении предлагают различать фундаментальную науку и чистую науку. А не имеет ли ещё смысл понятие свободной науки? Ведь наука, которая когда-то была символом и в лице философии первой формой свободного занятия, уже давно перестала быть таковым. Сейчас нужны специальные усилия для того, чтобы возродить её в этом качестве. Современная экономика научилась “продуктивно”, с пользой для себя выбрасывать деньги на ветер, например в форме многомиллиардных новогодних хлопушек и фейерверков. И общество, на мой взгляд, должно делать нечто подобное

применительно к теоретической науке: выделять на неё определенные, пусть небольшие, средства без всякой надежды на видимый, просчитанный эффект и без особого контроля за тем, как они расходуются. Выделять деньги только для того, чтобы люди, которые хотят этим заниматься, имели такую возможность. Просто довериться тем, кто занимается теорией, и ничего от них не требовать. Могу предложить метафору: таких людей общество должно поддерживать подобно тому, как оно поддерживает, например, инвалидов. Ведь выделяя коляску инвалиду, государство не боится от того, чтобы тот её не стал ломать, и от того, чтобы её не получил человек, который в ней не нуждается.

Об РГНФ. Об этом фонде можно говорить много и в разных аспектах. Найдется также достаточно оснований и поводов для критики его деятельности. Но не вызывает никаких сомнений, что он в целом сыграл и играет огромную положительную роль в поддержании и развитии нашей гуманитарной науки. Доказательство этого – большое количество и высокое (выше среднего) качество трудов, изданных при поддержке фонда. Если рассчитать отдачу фонда хотя бы в элементарном виде стоимости одного печатного листа, то почти уверен: он окажется одним из самых эффективных, даже неправдоподобно эффективных фондов. Главное достоинство фонда и его отличие, например, от большинства западных фондов и преимущество перед ними состоит в том, что он не задает заранее конкретную тематику исследования, а ориентирован на поисковые исследования, оценку и отбор того, что предлагают сами ученые, специалисты. Это – один из общественных каналов поддержания теоретической науки, как бы мы её, уточняя, ни определяли – фундаментальной, чистой, свободной. Очень важно, чтобы РГНФ сохранил этот принцип.

А.Н. Паришин: Самые отвлеченно-умозрительные научные теории могут через какое-то время (порой – значительное!) стать основой весьма практических дел, причем выгода от только одного применения многократно окупает расходы на чудаков-математиков за всю историю науки. Вот примеры.

Первая половина XIX в. Ректор Казанского университета Лобачевский предлагает свою “Воображаемую геометрию”, в которой сумма углов треугольника не равна 180 градусам как в существовавшей две тысячи лет геометрии Евклида. Пошли разговоры о безумстве ректора. В это же время великий немецкий математик Гаусс пришел к близким идеям, но побоялся опубликовать свои выводы.

Вторая половина XIX в. Немецкий математик Риман, развивая эти примеры неевклидовых геометрий, построил общую теорию, включающую в себя и геометрию Евклида и геометрию Лобачевского. Появилась Риманова геометрия, чисто абстрактный раздел математики.

Первая четверть XX в. Эйнштейн открывает теорию относительности, сначала специальную (СТО), а потом общую (ОТО), которая целиком основана на Римановой геометрии. На СТО основаны все расчеты ядерных реакций, а ОТО долго время казалась красивой, но бесполезной для реальной жизни игрушкой.

Начало XXI в. Для работы GPS-навигаторов нужны очень точные часы на спутниках орбитальной группировки, поддерживающих работу навигационной системы. Ход часов в этих условиях изменяется благодаря известному в СТО эффекту: часы на орбите идут иначе, чем такие же часы на земле. Эффект этот, конечно же, надо учесть. Но, кроме этого, и в ОТО есть эффект такого рода, даже и побольше по величине. И вот если и его не учесть, то точность показаний навигатора изменится очень прилично.

Итак, если забудем, что наше пространство чуть-чуть неевклидово, то попасть в кювет или врезаться в стену здания нам обеспечено.

И.Т. Касавин: Есть юмористический момент в том, что тема нынешнего “круглого стола” обнаруживает свою актуальность в точном соответствии с требованиями современных грантовых инструкций. Сегодня философия этим особенно озабочена. И касается данная озабоченность как теоретической, так практической актуальности, а также и той, которую я бы назвал “инфраструктурной”. Первые известные всем две формы актуальности означают своевременность, востребованность, необходимость определенных теоретических новаций в контексте современных научных задач, с одной стороны, и их применимость для удовлетворения социально-политических, технико-экономических и культурно-информа-

ционных потребностей, с другой. А вот третья, инфраструктурная актуальность – это, как мне кажется, новация, требующая от научного проекта открытия смешанного, “внешне-внутреннего” канала трансфера знания: инновационного влияния на собственную структуру научного сообщества. Речь идет, если воспользоваться компьютерной метафорой, о программных и аппаратных параметрах науки, ближайшими примерами которых могут служить, соответственно, “кодекс научной честности” (И. Лакатос) и официальные институты науки (лаборатории, журналы, фонды и пр.).

Я посмотрю на эту новацию через конкретный пример, который в этом году так же, как и РГНФ, отмечает двадцатилетний юбилей. В 1994 г. нам удалось организовать научное сотрудничество между российскими и германскими философами (особую роль в этом сыграл Курт Рудольф Хюбнер, выдающийся германский философ, недавно ушедший от нас), создать Центр по изучению германской философии в Москве и получить пятилетнее финансирование Фонда Фольксваген (Ганновер) под совместный исследовательский проект. Годы были трудные, и это давало нам шанс не только продолжать, но и активизировать работу, которую мы вели еще до распада СССР в секторе теории познания Института философии РАН.

Девять томов совместных публикаций на русском и немецком и ряд статей в зарубежных журналах; две международные конференции в Москве и Айхштете; восемь полугодовых стипендий и стажировок в Германии для российских молодых ученых; серия лекций ведущих германских философов в Москве; навыки компьютеризации философских исследований и управления денежными трансферами в условиях западной системы финансовой отчетности – таков краткий итог постоянной работы сорока ученых с обеих сторон. Я упоминаю об этом опыте, чтобы подчеркнуть: всякий успешный проект есть одновременно заметный сдвиг в самой научной инфраструктуре. Данное сотрудничество во второй половине 90-х гг. прошлого века было чем-то вроде венчурного инновационного проекта – совсем нетипичного феномена для российской философии того времени. Соответственно, мы накопили инфраструктурные навыки и знания, которые пригодились в организации аналогичных крупных проектов, в создании журнала “Epistemology & Philosophy of Science” (таково новое название нашего журнала), институционализации нового научного направления “Социальная эпистемология”. С точки зрения этого опыта мы можем посмотреть на вызовы, с которыми встречается пореформенная российская наука. Я выделю некоторые из новаций: а) новое положение гуманитарных наук в обществе; б) введение количественных показателей эффективности научной работы; в) требование публикации в журналах, индексируемых в Web of Science и Scopus; г) грантовое финансирование как способ государственной поддержки фундаментальных исследований.

Сегодня ученых, работающих в гуманитарных науках (и это касается философа точно так же, как лингвиста или психолога), вынужден в очередной раз самоопределяться практически и изменяться в теоретическом плане, в частности, пересматривая свое место в континууме между известными оппозициями “интеллектуал” и “интеллигент”, “публичный интеллектуал” и “университетский профессор”, “профессионал” и “дилетант”. И он как бы заново осмысливает свое историческое предназначение, вспоминая о том, что русский интеллигент изначально выступал в образе “немца”, противостоящего как монастырю, так и боярам – светским проводникам монастырской культуры. Одиноким опорой нарождающейся интеллигенции был просвещенный царь – отсюда особое, требовательное и просящее одновременно отношение русского интеллигента к власти. Авторы сборника “Вехи” в начале прошлого века противопоставляли друг другу интеллектуала как творца и выразителя культуры, с одной стороны, и интеллигента как выразителя интересов народа, служителя “общественной пользе”, “революции”. Похожая альтернатива – быть “социализированным ученым” (Р. Гук) или “ученым отшельником” (И. Ньютон) – сформулирована С. Шейпиным на материале истории нововременной науки. Трудно не вспомнить в этой связи образы интеллектуалов из романа Германа Гессе “Игра в бисер”. Человек интеллектуального труда стоит перед выбором – служить развитию культуры (Кнехт) или использовать ее для своей власти (Дезиньори). Примерно о том же, но с совершенно иной расстановкой акцентов говорит С. Фуллер, противопоставляя друг другу “интеллектуала”

как участника публичного дискурса и “академика” как камерного университетского профессора.

М.К. Мамардашвили увидел в этой расколоте фундаментальный смысл: творческий индивид всегда сталкивается с серьезными трудностями самоопределения, обнаруживает себя на распутье. Он может позиционироваться как “традиционный интеллигент”, сохраняющий особую позицию в обществе, служащий “вечной культуре”, но тогда он рискует “отстать от времени”, впасть в ностальгию и мистику. Но он же в состоянии стать “органическим интеллигентом”, пойти на службу современной цивилизации и заняться претворением в жизнь технократических проектов при посредстве социальной инженерии. В этом тоже кроется опасность: риск потерять себя в наличной социальности в качестве винтика бездумной общественной машины. И если ученый-гуманитарий стремится выйти за пределы спора между Кнехтом и Дезиньори, то он должен найти некоторое новое социальное место и новую позицию рефлексии. Например, он берется служить не власти, а культуре, но для этого вынужден использовать особые социальные технологии воздействия на общественное мнение, не замыкаясь в башне из слоновой кости. Эмиль Золя своим заявлением “J'accuse!” по делу Альфреда Дрейфуса буквально взорвал интеллектуальную атмосферу Третьей Республики, но он не был политическим террористом, поскольку верил в силу пера, а не шпаги. Публичный интеллигент парадоксален, поскольку ставит перед собой непопулярные цели и использует непопулярные методы наряду с популярными. Галилей с готовностью обращался за поддержкой и к Филолаю, и к Аристотелю, демонстрируя этим открытость культуре в ее полном объеме. Поскольку публичный интеллигент не примыкает догматически ни к одной политической партии или традиции, то он рискует постоянно, а не только тогда, когда его социальная база претерпевает кризис. Он должен реагировать на ситуацию адекватно и незамедлительно, и отсюда специфический стиль его работы: доминирование устного слова перед письменным, импровизация перед заранее заготовленным докладом и аксиоматически выстроенным трактатом. Если мы посмотрим на одного из самых известных философов современности, Юргена Хабермаса (индекс Хирша превышает 120), то увидим именно такой способ поведения.

Гуманитарная работа (иные назовут ее “игрой”) в культуре по установленным социальным правилам – тема, непосредственно связанная с упомянутыми индексами и прочими цифровыми показателями. Намерение “дигитализировать”, “оцифровать” культуру (включая науку и образование) производно от давней ориентации на математику как воплощение беспристрастной точности, объективной формы, постоянно и безуспешно стремящейся догнать содержание. В общем виде можно (с сознанием парадоксальности сказанного) утверждать, что количественная оценка “почти всегда необходима”, т.е. возможна, но недостаточна. Дело в том, что она включает процедуру “уточнения точности”: тщательного очерчивания пределов и условий количественного описания, что в особо сложных случаях сводит ее эффективность к нулю.

Проведем мысленный эксперимент для обоснования сказанного. Допустим, что в качестве “топ 100” сформирована группа рейтинговых ученых в некоторой дисциплине. Есть три показателя (количество публикаций, количество ссылок и индекс Хирша), по которым ее можно выделить, и тогда ученые, лидирующие по показателям и сумме мест, законно становятся лидерами. Данный принцип оценки используется судьями в фигурном катании, которых не интересует, *почему* фигуристка Маша чисто выполнила “тройной тулуп” – это принимается как факт, хотя “чистота” и может быть предметом интерпретаций и расхождений. Однако применительно к науке необходимо смотреть глубже и все-таки ответить на вопрос, почему химик Володя набрал индекс Хирша величины 50, или 15 000 ссылок, или 800 публикаций. Вполне вероятно, что при данных величинах *elibrary.ru* покажет, что у него 30 процентов самоцитирования, 60 – цитирования с соавторами, а само количество соавторов приближается к 1000.

С точки зрения гуманитария такие показатели ничего, кроме улыбки, вызвать не могут, но это значит, что он не понимает чрезвычайно высокой степени дисциплинарной специализации в химии. Работая в рамках некоторого направления, химики ничем иным,

как правило, не интересуются, но публикации по своей тематике должны знать досконально и не могут не использовать. Если же химик занимает руководящие должности в науке, совмещая работу в НИИ с кафедрой в университете, то автоматически становится соавтором едва ли не всех эмпирических результатов, полученных его сотрудниками. Авторство в химии отличается от авторства в философии; в первом случае творчество коллективно, жестко связано с научным сообществом, во втором случае оно индивидуально, поскольку дискуссии, как правило, не приводят к коллективным публикациям. Когда же последнее случается, то может дезориентировать.

Так, соавторами “круглых столов” в “Вопросах философии” или панельных дискуссий в “Epistemology & Philosophy of Science” постоянно оказываются авторы, подходы и выводы которых диаметрально расходятся. Это означает, что когда философ (математик, лингвист) демонстрирует показатели, сближающие его с химиком, нужно еще разобраться, чему они обязаны. Иногда они являются результатом некоторых технологий, в которых его коллеги увидят искусственную “накрутку”, но если у философа (математика, лингвиста) вообще нет никакого рейтинга, это будет негативно оценено химиком.

Количественные показатели сами по себе требуют уточнения, а потому не так просты для использования, как полагают чиновники. Научное сообщество также не безгрешно в оценке своих членов (в академии не всегда избираются самые достойные), но “гамбургский счет” довольно успешно конкурирует с формальными признаками научного статуса. Итак, ученый может обеспечивать количественные показатели своей работы, но, что называется, без фанатизма – содержание и мнение уважаемых коллег должно быть важнее для принятия решений. Чиновник может использовать численные показатели для оценки эффективности, но без самоуправления инфраструктурой наука вырождается.

Представим себе, что статус научного журнала определяется не качеством его публикаций и востребованностью среди профессионалов, а включением в список ВАК или даже в Web of Science. Тогда основные усилия редакции и редколлегии нужно направить на административную активность, а не на формирование качественного портфеля статей. В качестве еще одного мысленного эксперимента предположим, что создается региональный журнал с “безразмерным” названием – “Вопросы естественных и общественных наук”, который включается в список ВАК и становится местом для обязательных публикаций аспирантов и докторантов. Вполне возможно, что со временем он далеко обгонит по рейтингу в elibrary.ru специальный журнал “Лингвистика текста”, хотя качество публикаций в последнем будет на две головы выше. В первом случае круг авторов обширен и случаен, во втором – с точностью до наоборот.

Какой журнал выиграет конкурс на государственную поддержку, если решение будут принимать чиновники? Вопрос, как мы понимаем, риторический, но от ответа зависят дальнейшие значения рейтингов, и так по кругу. Что же в таком случае стоит нормативное требование публикации в рейтинговых журналах? Оно стоит ровно столько, сколько в биографии таких журналов содержится принадлежности к профессиональной науке. Вывод, пусть и банальный, таков: научная инфраструктура не может накладываться извне на научную деятельность, а должна вырастать из нее самой: тогда она будет служить развитию науки, а не ее имитации в виде “освоения бюджетных средств”.

Наконец, какую роль в науке играют разные формы финансирования: государственное задание, государственные и частные гранты и т.п.? Базовое финансирование научно-исследовательских институтов служит сохранению и развитию стационарных коммуникативных площадок в науке: это основа существования парадигм и дисциплинарных научных сообществ. Научные фонды органически дополняют базовое финансирование, поддерживая поисковые исследования за пределами государственного задания, молодых ученых, проведение конференций, создание новой научной инфраструктуры, междисциплинарное взаимодействие. Во многом именно так изначально была построена работа РГНФ, который отслеживал и поддерживал тенденции, но не брал на себя задачу их формирования. Благодаря этому была обеспечена широта поисковых исследований в период движения российской философии к новой самоидентификации. Опыт работы РГНФ показал, насколько важна и эффективна поддержка отдельных ученых, исследовательских групп и

подразделений. Однако к этому нельзя свести финансирование фундаментальной науки. Поддержка лишь отдельных лабораторий породит мелкотемье, прервет развитие научных школ, атомизирует науку, воспрепятствует междисциплинарному дискурсу, превратит существование лаборатории в постоянную миграцию между университетами, резко увеличит долю научно-организационной работы в деятельности заведующего лабораторией.

Сегодняшняя реформа поставила ученых перед новыми реалиями, и они вырабатывают необходимые механизмы адаптации. Если им дадут передышку хотя бы на обещанные три года, т.е. шанс на закладывание основ новой научной инфраструктуры. Ничего нет плохого в выведении на международный уровень РИНЦ и включения хотя бы части его в мировые базы. Пусть и дальше появляются новые научные фонды и объявляют конкурсы. Если дойдут руки до государственной поддержки научных журналов – честь и хвала такому начинанию. Но не будем забывать: чтобы все это работало, нужно сохранить живых людей с их страстью к научному поиску – авторов, грантополучателей, будущих лидеров рейтингов, мотивированных ученых. Иначе останется одна сброшенная сверху инфраструктура, как сегодня в Испании: свободные гостиницы и рестораны, закрытые риелторские конторы и непроданные новостройки, пустующие дороги и аэропорты. Туристов не хватает...

Н.В. Черниговская: И всё же есть более “опасные” локусы в науке, которые притягивают множество непрофессионалов, претендующих на научные открытия; в других областях это менее заметно. Я бы не сказала, что тексты, имитирующие научное знание, касаются относительно узкого круга областей: постоянно вынуждена тратить время на рецензии разного уровня, отвечать на письма, противостоять неожиданным, казалось бы, проявлениям этой страсти к строительству “новой науки” в среде преподавателей университетов. Это возможно даже в таких областях как нейрофизиология, медицина (психиатрия), даже искусственный интеллект и физика. Конечно, прежде всего это проблема сознания и мозга и сопутствующее ему страстное желание поскорее повторить человека в硅иконе – с его разумом, чувствами и эмоциями.

Это всегда “Открытия”, “Теория Всего”, описания Вселенной и её законов абсолютно новым способом, никак не меньше... Не стоит думать, что это обязательно неадекватные недоучки, или уж совсем маргиналы, тратящие невероятные усилия на взвешивание души или регистрацию “особых информационных полей”. Гораздо хуже то, что часть этих людей умудрились защитить диссертации, иногда они даже являются членами разных академий. Конечно, наиболее привлекательны для них области, где по их мнению они ориентируются, и потому гуманитарное знание попадает под особый обстрел: всё-таки в физику или нейрофизиологию просто так не влезешь... Зато можно влезть в смежные области и смотреть, как влияют геомагнитные поля на биржевые индексы или предсказывать развитие цивилизации в зависимости от веса мозга и времени года, когда гении рождаются, от плотности появления таковых в веках.

Может ли исследователь, переступая в своей работе границы чужой и далекой от собственной дисциплины, не скатиться в псевдонауку? Существует ли разница между непрофессиональным и псевдонаучным текстом? Это серьёзные вопросы, и на них должны быть даны определённые ответы: да, могут и должны. Но это тяжёлый путь, нужно много учиться и много работать, и читать правильные книги, и попасть к умному наставнику и доверять ему. Обычный аргумент “реформаторов науки” – я и не буду ничего доказывать, потому что **ВСЯ ВАША НАУКА НЕПРАВИЛЬНАЯ**.

С ними нельзя спорить, потому что у них нет не только базовых знаний, в том числе и метазнаний о правилах игры, у них нет и ни малейшего желания слушать какие бы то ни было аргументы. Такие тексты всегда опознаваемы сразу: всегда глобальное, революционное начало, а в моих областях знаний это и формальные признаки – тысячи схем, кружочков, стрелочек, квадратиков, включённых один в другой и сводящих воедино микро- и макромиры.

Важный вопрос – как на это реагировать и реагировать ли вообще? Конечно, выбор стратегии – дело личное, и нередким является постмодернистский скептицизм и снобистское молчание. Я отношусь к этому с бешенством, не пропускаю никогда, пишу резкие

рецензии и очень жёстко реагирую устно, если приходится оказаться на выступлениях этой публики. Иначе – как писал Иосиф Бродский – *верх возьмут телепаты, буддисты, спириты, препараты, фрейдисты, неврологи, психопаты*.

Я бы хотела сказать ещё несколько общих, но, на мой взгляд, особенно сейчас важных для нас вещей.

Люди, делом которых является научная и духовная жизнь, – “штучный товар”, на них природа потратила лучшие свои средства, и их надо беречь. В конце концов, цивилизация строится не усилиями многомиллионных масс трудящихся, а прорывами и тщательной, долгой, трудной работой самых одарённых и самоотверженных представителей нашего рода. Их всегда немного, но они создают особую среду, ценность которой бесконечна. В ней формируются те, кто будет держать нить традиций, подбрасывать хворост в огонь, освещающий наш мир, отодвигающий вот-вот да и прорывающийся эсхатологический мрак. Дом, школа (формальная и домашняя), которые свиваются, как гнёзда, вокруг таких людей – вот острова, где живут традиции, это центры человеческой культуры, их важность для нашей цивилизации не меньше, чем роль материальных хранилищ – библиотек и музеев, потому что такие знания передаются только лично.

Ничего нет в науке ценнее научных школ. Заменить их не смогут никакие технологии и базы знаний. Их не смогут заменить и сверхспособные молодые люди с мощнейшей памятью и скоростью реакции, перерабатывающие информацию как кухонные комбайны – эта дорога в никуда, более того, это вообще не человеческая дорога: всё равно мы безнадежно отстали от суперкомпьютеров. Если мы хотим сохранить идентичность нашего вида, надо вести диалог с Аристотелем, Платоном, Кантом, Шопенгауэром, а не наращивать изошрённость отвёрток и отмычек. Люди – это мозг и душа, а не плотность мышечной ткани. Способность заражать, зажигать, пленять, возбуждать азарт и восторг от интеллектуальных занятий, открывать молодых людей им самим – вот что должно связывать поколения.

Увы, такая система передачи знания не в чести. Наука и образование становятся всё больше фабриками для производства прикладных “разработок” и “образовательных услуг” самого общего сорта. Спорить трудно – это тоже нужно, ведь надо же обеспечить и материальную жизнь. Но интеллектуальные элиты – драгоценные камни, их ограничивают не на конвейере; Ученик должен видеть Мастера, приглядываться, жить в этой среде, бродить, слушать разговоры, спорить, отрицать. В этом смысле, несмотря на разные, казалось бы, средства описания мира, искусство и наука – одно и то же.

В.А. Бажанов: С 1996 г. с перерывами, связанными с ротацией, я являюсь экспертом РГНФ, а с 2002 г. и РФФИ. Уверенно можно сказать, что роль и РГНФ, и РФФИ в сохранении нашей гуманитарной науки (и науки в РФ вообще) трудно переоценить. В хорошем, но, увы, почившем журнале “Науковедение” еще в 2003 г. в статье “О стратегических принципах государственной политики в области науки” я старался обосновать, что грантовая система – самая эффективная форма поддержки активных исследователей (не исключая, конечно, базисное финансирование). Ее надо развивать. Однако если 10–12 лет назад по философским наукам ежегодно в РГНФ разыгрывалось 70–75 федеральных грантов, то сейчас – около 30. Для нашей страны это явно недостаточно.

Имеются региональные конкурсы (уровень проектов там обычно ниже), но финансирование там существенно уступает федеральному, а региональные власти, которые должны обеспечивать 50% поступления средств, чаще всего этим манкируют. И происходит это не только и не столько из-за того, что в регионах туго со средствами, а в силу заметного падения престижа науки, особенно гуманитарной. Такое падение – не только российский, но и глобальный феномен. Однако падение и нас граничит с катастрофой. За три года наш гуманитарный факультет (история, психология, политология) вообще не получил ни одного бюджетного места, а отделение философии по причине малого количества внебюджетных студентов вообще закрыли. На очереди упразднение бюджетной аспирантуры. Несмотря на перепроизводство юристов и экономистов эти специальности по-прежнему популярны, ибо позволяют занять места в государственном аппарате, где (пока?) гарантируется высокий доход. Сотрудники-

гуманитарии вузов и РАН о столь высоком доходе могут только мечтать. Через 15–20 лет при такой тенденции гуманитарная наука в нашем многострадальном Отечестве вообще может исчезнуть.

На Западе и на Востоке также заметен, так сказать, утилитарный крен. Но все-таки престиж науки, включая философию, довольно высок даже в обыденном сознании. Несколько лет назад я проходил стажировку в Лондонской школе экономики и постоянно покупал английские газеты. Так, одна из популярных газет (“The Independent”) в качестве “приманки” читателей в течение почти месяца выпускало газету с приложением в виде брошюр “Великие философы” (всего около 50 мыслителей, от Платона до Поппера). Мыслима ли аналогичная “приманка” у нас?

Правительство предпринимает шаги, связанные с развитием прикладных (технических) наук. Однако здесь стоит серьезная проблема с наполнением даже бюджетных мест, а в магистратуру набрать людей – еще большая проблема. Преподаватели стареют. Естественная смена поколений не происходит. Как же можно мечтать о высокоразвитой науке без высшего образования, в котором обеспечивается высокая конкуренция талантов и селекция наиболее достойных?! При этом политика, направленная на поддержание крупных вузов, вряд ли может считаться эффективной: поддерживать надо конкретных людей и компактные коллективы исследователей, что и предполагается грантовой системой.

Безусловно очень беспокоит то, что Борис Исаевич назвал “растворением науки в технологиях”. Известен принцип “Гудхардта”: если наукометрический показатель становится целью, то очень скоро он полностью теряет свою ценность, так как научное сообщество начинает работать на выполнение требований, модифицируя свои научные результаты так, чтобы они соответствовали этому показателю. Механическое использование индекса Хирша недопустимо и в естественных, и тем более в гуманитарных науках. Допустим двое ученых *A* и *B* опубликовали по 10 статей. На каждую статью *A* имеется 10 ссылок, а на каждую статью *B* – 500. Индекс Хирша у обоих будет равен 10. Пусть ученый *A* публикует еще одну статью, на которую ссылаются 11 раз, и на каждую его статью прибавляется еще по одной ссылке. Тогда индекс Хирша у *A* будет уже 11, а у ученого *B* он останется равным 10. При таком подходе у Э. Галуа индекс Хирша вообще будет равен 1. Здесь не учитывается, что в гуманитарных науках цитируются не только статьи в журналах, но и в сборниках, а монографии по своей значимости много превосходят статьи, причем многие исследования здесь национально-ориентированы. Насколько могу судить, деятельностный подход, продемонстрировавший эффективность в гуманитарной области в русскоязычной литературе, в англоязычной философии представлен весьма слабо. Неразумно публиковать статьи по истории русской философии и/или отечественной истории в зарубежных изданиях на английском языке (лишь немногие статьи здесь были бы полезны в английском варианте). Экспертное мнение в гуманитарных науках важнее, чем любые наукометрические показатели.

Кстати, как объяснить тот факт, что в Web of Science по философским наукам 4 хорватских журнала, 3 словацких, 2 литовских, и только один наш (“Вопросы философии”)? Неужели Хорватия, Словакия и Литва относятся к философским “гигантам”? Наверное, присутствие только одного нашего журнала можно объяснить нерасторопностью министерских чиновников (впрочем, и польских там тоже единицы). Они с удовольствием получают ученые степени по юридическим и/или экономическим наукам (как получают – отдельный вопрос, который граничит с феноменом *теневого* науки), но по понятной причине не проявляют ни малейшего интереса к тому, чтобы продвинуть достижения отечественной гуманитарной науки за границы России.

Наши чиновники измеряют естественные и гуманитарные науки одним аршином. Однако даже естественные науки находятся в разных положениях: если публикация в биологическом журнале с импакт-индексом 2 – это публикация в третьестепенном журнале, то публикация в математическом журнале с импакт-индексом 2 – это публикация в одном из 10 ведущих мировых журналов.

Хотелось бы надеяться, что отношение государства к гуманитарным наукам поменяется, чиновники осознают, что наука многообразна, что гуманитарная наука самоценна, а

оценки достижений в разных науках требуют разных методик. Ну и, наконец, у чиновников возникнет необходимость в экспертных оценках, которые могут даваться учеными и которые – наконец-то! – будут услышаны и их знания будут востребованы.

Возможно, здесь какую-то роль может сыграть то обстоятельство, что полномочия учредителя РГНФ осуществляет Правительство РФ.

*В.В. Чешиев*⁵: Сегодня реформирование науки, включая реформирование РАН, представляет собой процесс, вызывающий многие вопросы. Поиск ответов на них можно начинать с обращения к состоянию и сути современной науки. Есть основания говорить о современной науке как “технонауке”, но этот разговор имеет свои тонкости. В гносеологическом плане, если иметь в виду практическую природу науки, здесь нет ничего нового, поскольку опытная наука возникала как наука практиков, а не теологов или даже натурфилософов. В.Г. Горохов не без основания утверждает, что наука Галилея была уже технонаукой, и такое утверждение можно сделать и в отношении науки Архимеда. На прикладные функции науки в свое время указывал Ф. Бэкон. Но разговор о технонауке отражает обстоятельство, на которое здесь указал Б.И. Пружинин, а именно: наука стала гигантским социально-экономическим институтом, вплетенным в промышленное производство. Поэтому в ней видят прежде всего прикладную функцию, прикладное назначение. Более того, реформаторские меры оправдывают тем, что необходимо повысить эффективность науки (например, академической), и реформирование ведется так, будто у неё нет других функций, кроме прикладных. Начинает доминировать представление, что эту прикладную функцию можно отделить и усилить некими чисто организационно-управленческими мерами.

Да, действительно опытная наука есть наука практиков. Но если ее практическая функция выражается в новых технологиях и изобретениях, то сама возможность решения прикладных задач обеспечивается тем типом исследования, которое принято называть фундаментальным, его можно для краткости обозначить как поиск истины. В свое время открытие простой истины в виде правила равновесия сил дала возможность Архимеду решить ряд практических задач, причем даже таких, где использование этого правила было весьма спорным. И эта сторона науки, эта ее органическая функция, без которой нет прагматической эффективности, должна быть защищена.

Современное фундаментальное исследование часто является весьма дорогим, требует больших затрат финансовых ресурсов, привлечения квалифицированных кадров, современных приборов и расходных материалов. Поэтому выбор фундаментальных проблем представляет собой весьма сложную задачу, но без постановки и решения таких задач гаснет со временем и прикладная функция науки. Однако вопрос о необходимости и характере фундаментальных исследований решает в конечном счете сама наука и научное сообщество, а не “эффективные управленцы”. Наконец, задача поиска истины имеет важное мировоззренческое и этическое значение. Истина, в том числе естественнонаучная, представляет собой моральную ценность, или, по меньшей мере, такой ценностью является мотивация на поиск истины, тренировка мышления и сознания на этот поиск. Об этом нельзя забывать, говоря о современной технонауке и ее организации, чтобы меркантильная оценка эффективности не вытеснила ее высокое культурно-историческое значение.

Однако названная сторона дела нередко остается за бортом нынешнего реформирования как некая “лирика”, неуместная для тех, кто имеет дело с прагматическими решениями. В последнем случае от науки требуют, чтобы она защищала себя некими прагматическими показателями, доказывала предъявленными ей “величинами эффективности” свое право на жизнь. Конечно, требование практической эффективности оправданно и не может быть поставлено под сомнение. Но если упереться рогом в некие злободневные практические показатели и требовать незамедлительного их достижения, то при “выковыривании желудей” можно повредить сам ствол, приносящий эти плоды. Управленец, не живущий наукой, не понимающей ее внутренней жизни, как раз будет способствовать

⁵ Выступление подготовлено в рамках программы повышения конкурентоспособности Томского государственного университета.

не развитию ее, но разрыванию корней ради еще одного желудка сегодня, чтобы остаться с засохшим деревом завтра. Так иногда видится нынешняя реформа Академии наук, при которой якобы эффективное управление ресурсами науки будут осуществлять профессиональные менеджеры. Системной оценки научной деятельности не предлагается, но вводятся некие искусственные или рыночно-финансовые показатели. Правильно ли это? Соответствует ли это сути науки и характеру ее деятельности?

Особого обсуждения требует проблема реформирования гуманитарных исследований как в вузах, так и в академических учреждениях. Можно согласиться с тем, что гуманитарные исследования, не обращенные к практике жизни, могут превращаться в схоластику. С другой стороны, как определиться в том, что есть обращенность к жизни сегодня? В прошлом был все-таки определенный социальный заказ, на который реагировали общественные науки и, в частности философия. Этот заказ, пусть и весьма спорный, шел от власти, которая в “застойный период” очевидным образом препятствовала свободному осмыслению проблем общественного развития. Но было и стремление осмыслить отдельные стороны общественной жизни, например, желание изучать научную деятельность и научно-технический прогресс в их различных измерениях, как и другие попытки реагировать на общественную ситуацию.

Сегодня внедряется весьма спорная прагматическая оценка “эффективности” ученых и научных коллективов по количеству публикаций, отмеченных в зарубежных системах индексации. Разве этим может быть оценена актуальность, практическая и теоретическая значимость исследований гуманитарного характера, проводимых в России? То, что находит прикладное применение в западных странах, чаще всего не будет востребовано в России, а то, что востребовано в России, нередко чуждо гуманитарной западной науке.

Не раз уже отмечалось, что статейные публикации в западных журналах как правило слишком конкретны, а мы больше привыкли к системным обобщающим работам. В любом случае, прагматическая оценка по чуждому критерию уводит от генеральных проблем нашей жизни, от тех проблем социально-гуманитарного плана, которые должны волновать наше научное сообщество. Мало того, что нет социального заказа (нет ясной формулировки проблем от элит), попытка работать над его осмыслением уничтожается в корне задачей получить хорошую отметку у неких западных оценщиков. Для гуманитарной науки вообще неприемлемая ситуация. И здесь скрывается еще одна проблема. Столичная наука может как-то приспособиться к новым требованиям и защитить себя. А как быть провинциальной гуманитарной науке, как провинциалу попадать в издания с высоким индексом цитирования? За плату, но и ее неоткуда взять. В прошлом обязанность вузовского работника публиковаться с определенной периодичностью принуждала его к поддержанию профессионального уровня, а уж сам этот уровень, как и уровень публикаций, оценивались сообществом по своим неформальным (гамбургским) критериям, и все знали, кто чего стоит, кто подает надежды, кто стоит на месте, а кто есть признанный лидер. Внедряемые искусственные оценки эффективности ломают эту естественную иерархию, резко снижают мотивации к научной работе, которая будет оцениваться не по существу, а по формальному искусственному критерию. Провинциальная наука выталкивается тем самым в маргинальное пространство, в котором в лучшем случае можно лишь зарабатывать некие карьерные очки.

Наконец, важная сторона дела, игнорируемая нынешними реформаторами, заключается в том, что оставляется без внимания специфика научного труда и организации научных коллективов. Я имею в виду творческий характер научного труда и способность к самоорганизации, характерной для всякого живого творческого организма. Конечно, правильная организация исследовательского процесса позволяет наилучшим образом реализовать творческие мотивации исследователя. Однако бюрократизация научного труда, попытка подогнать его к каким-то простым формальным показателям эффективности может сопровождаться разрушением внутренней самоорганизации коллектива и ученого.

Наука есть некий живой организм. Ее деятельность ориентирована не на себя, она преследует результаты, представляемые одновременно как поиск истины и как поиск эффективности. И при всех формальных организационных обстоятельствах главное остав-

ся в том, что это сфера творчества, которая не является и не может быть рыночной сферой. Представление современных менеджеров о том, что какими-то мерами, ориентированными на придуманные показатели, можно повысить эффективность науки, совершенно прозрачны. Тотальная бюрократизация, финансовый контроль каждого шага в науке может привести к ее омертвлению при внешне блестящих формах организации. Актуальные задачи и пути их решения может определить только сама наука, в этом проявляется ее способность к самоорганизации в процессе роста и развития.

Встраивание науки в рыночную систему должно идти только по пути защиты науки от примитивной постановки вопроса о сиюминутной доходности науки. Наука, встроенная в рыночные механизмы, должна быть защищена от рыночной идеологии, как ни парадоксально это звучит. Конечно, я далек от идеализации социальных форм организации науки, в том числе РАН. Соображения карьеры и многие иные привходящие мотивы представляют собой факторы, негативно влияющие на этот процесс. П. Фейерабенд отмечал в свое время, что наука стала мощным бизнесом, в котором гуманистические мотивы вытесняются хорошим вознаграждением и хорошими отношениями с боссом. Это означает, что организм науки подвержен болезням, от которых нужно его лечить. Но не станет лечением ликвидация творческих мотиваций в науке путем ее бюрократизации или передачи права на принятие принципиальных решений неким менеджерам, которые, якобы, будут эффективнее управлять ресурсами науки. Все-таки научное сообщество более способно к решению вопросов о стратегии развития, о перспективных направлениях развития, и способно оценивать своих сотрудников, не обращаясь к индексу Хирша.

Последнее замечание о грантовой поддержке науки. РФФИ стал одним из таких инструментов для гуманитарных исследований, роль его несомненно положительна, хотя у многих могут возникнуть вопросы. Грантовая поддержка всегда ограничена во времени, зависима от ряда конъюнктурных обстоятельств. Она должна сочетаться с государственной поддержкой, государственным финансированием фундаментальных исследований в гуманитарной сфере, способной сохранять базовые творческие коллективы в стране. Такие коллективы своим существованием и своей работой становятся организаторами роста и развития исследований, теми точками кристаллизации, в которых рождается осознание проблем. Такие коллективы играют организующую роль для провинциальной науки, задают ориентиры, вводят определенную систему отсчета для оценки работы и т.п. Сказанное можно отнести прежде всего к Институту философии РАН, но и в других гуманитарных сферах существуют центры, которые требуют государственной поддержки.

В.В. Целищев: Проблема публикаций в российских журналах на английском языке ставит перед нами несколько проблем. Самый лучший способ – это иметь дубликат русского журнала на английском, но это очень дорого. И хотя много журналов переводятся, скажем, по математике и физике и пр., вряд ли это может относиться к журналам гуманитарным. Если же русский журнал сделать частично двуязычным, возникает другая проблема – подписчики, а у нас в типичном случае не так их много. Наконец, есть проблема хорошего английского перевода, что для гуманитарных текстов представляет серьезную проблему, как финансовую, так и собственно квалификационную. Лет десять назад, тогда еще живой Майкл Даммит разразился в “*Journal of Philosophy*” рецензией на пару книг, написанных немцем и финном по аналитической философии. Одним из главных упреков было отсутствие у авторов хорошего английского языка, со всеми его идиоматическими и бытовыми нюансами. С моей точки зрения такого рода упреки и призывы беречь чистоту английского языка отдают некоторым снобизмом человека, родной язык которого волею судеб стал *lingua franca* современной науки. Но как бы то ни было, никто из тех, кто не является носителем английского языка, не может быть гарантирован от такого рода проколов. Рассказывают о случаях, когда статьи из России на английском в англоязычные журналы отбрасывают не читая. В любом случае, в условиях получения необходимых для существования гуманитарных наук показателей, видимо, нужно переходить к употреблению английского, но без некоторого рода солидарности в общей политике со стороны коллег из других наук эта задача вряд ли разрешима. Правда, в условиях ограниченных ресурсов надеяться на такую солидарность скорее всего просто наивно. Университеты, имеющие

серьезные деньги, скажем на выход в top 100, распределяют их согласно индексам, которых больше всего, скажем у биохимиков или физиков, и по поведению соответствующих сообществ не видно, что их преимущество в этой гонке смущает их в моральном плане.

Что касается того, что собственно оставил РФФИ. С одной стороны, как эксперт, я каждый год удивляюсь проблематике, которую РФФИ поддерживает, поскольку она часто действительно никак не соответствует какому-то критерию строгости, отвечающему направленности фонда. С другой стороны, ограничения, которые выставлены в последний год о необходимости применять в исследовании методы естественных наук, столь расплывчаты, что тут возможны любые вердикты. Скажем, математическая логика или философская логика отвечает этим критериям? Или же требуется строго философия науки, как скажем, в американском “Philosophy of Science”? Ясно, что в значительной степени вход в РФФИ гуманитарным наукам в некотором смысле заказан. Но та же тенденция и с Российским научным фондом, гранты которого ориентированы откровенно не на гуманитарные науки. Я очень удивлен, что там допустили цитирование в РИНЦе, но вряд ли оно позволяет конкурировать с условиями, “заточенными” под SCOPUS или Web of Science. Похоже, гуманитариев оставили с одним РГНФ.

Я уже говорил, что писать в чужие журналы весьма проблематично. Если вы хотите попасть в один из американских журналов, нужно иметь поддержку со стороны соответствующей группы или школы (хотя есть более крепкие словечки для них), которые “держат” журнал. Природа не терпит пустоты, и уже возникли журналы в США, Италии, Германии, которые за известную сумму денег готовы напечатать вас, и это будет “иностранная публикация”. Такого рода профанация будет, очевидно, распространяться все шире, и в этом случае никакие ВАКовские критерии журналов не помогут.

Я поддерживаю коллег в том, что Российский научный фонд не для гуманитариев, и уж тем более не для философов. Ломка прежней грантовой системы с РФФИ и РГНФ может привести к очень серьезным последствиям для гуманитариев. В известном очень расплывчатом документе о финансировании научных исследований говорится о том, что базовая часть финансирования остается, а остальное надо добывать грантами. Но как мы видим, с ними для гуманитариев сложновато, и в очередной раз они будут поставлены в уничижительное маргинальное положение.

Трудно сказать, в какой степени на положение с наукой в России влияет отсутствие в ней публичных интеллектуалов, которые имели бы вес в верхах. В истории науки в них всегда был дефицит. Но то, что интеллектуальные круги слабо реагируют на мракобесие общества, это просто банальный факт. Я хорошо был знаком с покойным Кругляковым, не раз по его просьбе оказывал консультации, но никак не мог согласиться с ним, что проблема состоит в наличии нескольких мошенников от науки. Скорее, сама антиинтеллектуальная обстановка, религиозный фундаментализм и презрение к “чистой” науке являются фоном для историй, которые Кругляков раскручивал. Для связи научного сообщества с обществом как раз больше всего подходят историки и философы науки, но судя по всему, им уделяется внимания меньше всего и внутри этого самого научного сообщества. Теперь, когда маргинализация настигает всю науку в России, быть может, наступит несколько запоздалое понимание того, что в едином организме науки нет “важных” органов и “неважных” придатков.

*Л.А. Микешина*⁶: Одна из проблем в программе “круглого стола” – перспективы гуманитарных областей знания в свете современных тенденций в управлении наукой, а также каковы способы оценки результатов в гуманитарных науках. Надо сказать, что на фоне постоянных обсуждений природы и судьбы естественных наук, а сегодня добавились STS и технаука, даже нас философов – гуманитариев по природе – в гораздо меньшей степени занимают проблемы, статус и судьба современных социально-гуманитарных наук. У нас в стране по-прежнему существует мнение, что гуманитарные науки – это не науки, а лишь некоторая форма знания. При этом философия (разумеется, не постмодернистская) – это, как ни странно, наука, а по Энгельсу, “наука о законах природы, общества и мышления”,

⁶ Выступление подготовлено при финансовой поддержке гранта РГНФ. Проект № 13-03-00336 а.

что соответствует известным позитивистским образцам оценки достойного знания, а главное, закреплено чиновниками, которые давно уже, но только в нашей стране ввели кандидатов и докторов философских наук. Эти представления, как известно, существуют у нас с прошлого века и тем более, что марксизм и был в стране высшей формой философии, обладающей ценностным статусом науки. Но главное, он был не столько философией или наукой, сколько идеологией.

Для чего я напоминаю об этой в общем-то известной ситуации? Во-первых, потому, что трудности в сфере философского, в целом гуманитарного сознания еще не пройдены, не разрешены и даже не осознаны в полной мере. Об этом можно судить по учебникам, написанным за эти десятилетия, где базовые категории, начиная с материи и определения самой философии, все еще из прошлого века, а “материя копируется, фотографируется...” Во-вторых, многие интересные и значимые исследования, осуществленные в отечественной философии за эти годы, никакого влияния на базовые учебники чаще всего не оказывают. Но зато в них начинают проникать идеи про единую историю, евразийство, консервативную идеологию, критику либерализма без понимания его сути и российских традиций, в базовый курс включаются религиозные учения и понятия, и т.д. Мы на это, как правило, не реагируем. Призывать на помощь министерство, чтобы оно “навел порядок”, – это очень опасно, невежество и неуважение к философии может породить идею единообразия и вновь “подключить к идеологии”, да и экономического выигрыша для них философия не имеет.

На фоне этих проблем и трудностей совсем по-другому видится роль деятельности РГНФ за эти 20 лет, о чем я хочу сказать особо. В начале 90-х философы и гуманитарии оказались в труднейшей ситуации – необходимости полного переосмысления не только марксизма, но также своего отношения к идеализму и материализму, истории философии и ее базовым категориям, учению об обществе. Изменился и внешний статус самой философии; перестав быть “казенной идеологией”, она утратила деловой интерес и даже уважение со стороны не только правящих структур, но, к сожалению, и ряда известных ученых, которые не обращались к философии со своего студенческого возраста, не испытывая в этом потребности. В такой ситуации философам во многом заново приходится завоевывать свое место под солнцем в нашей стране. Мы преодолевали догматизм и идеологизацию, заново перечитывали историю философии, обращались к принципиально новым для нас проблемам, как это было, например, с конвенциями и конвенционализмом, которые мы “клеями” вслед за Лениным. А главное, вспомнили, а скорее обнаружили, что имеем прекрасное наследие русских философов. И в этом нас поддерживал фонд, который представлен не только сотрудниками, но значительной группой высококвалифицированных экспертов-ученых, своей всыскательной и требовательной оценкой результатов наших исследований. Надо сказать, что часто эксперты фонда – это тоже из нас, т.е. мы требовательно и строго спрашивали друг с друга, выполняя поручения фонда и особенно на совместных заседаниях секции, где участвуют наши коллеги разных социально-политических, гуманитарно-философских и науковедческих специальностей. В этом процессе возрастал исследовательский потенциал философов и ученых.

За последнее десятилетие одним из важнейших достижений в работе фонда стала поддержка исследований и публикаций по проблемам философии и эпистемологии социально-гуманитарных наук. Эпистемологические параметры и стратегии социально-гуманитарного познания нуждаются в особой поддержке в силу особенностей этих наук: они не являются однозначными, более того, кажутся произвольными, “ненаучными” на фоне формализованного и математизированного естествознания. В рамках проектов последних лет, поддерживаемых фондом, как правило, методологические стратегии понимаются в широком смысле – как не редуцирующие гуманитарные науки к стандартам естественнонаучного знания, но и не абсолютизирующие их специфику. Во многом благодаря поддержке фонда в последнее десятилетие осуществляется фундаментальное обоснование самостоятельного культурно-исторического направления в философии науки и неклассической эпистемологии, исследуются эпистемологические и методологические проблемы гуманитарного и социального знания. Поддержано издание многих монографий, в кото-

рых выражены результаты исследовательских проектов в области эпистемологии гуманитарного и социального знания, причем не только философов ИФ РАН, Москвы и Санкт-Петербурга, но и авторов из других городов России. Многие годы все наши книги мы заключаем благодарностью фонду.

Тематика исследований за эти годы существенно обогатилась. Так, в последнее время в проектах, посвященных осмыслению методологического потенциала концептов “стиль научного мышления” и “внутренняя форма слова” актуализирован опыт их использования при создании интегративных словарей философии и гуманитарной науки в 1920-е гг. Исследуются методологические функции переводческих, интерпретативных и конвенциональных стратегий в культурно-историческом сознании ученых-гуманитариев России и Европы на рубеже XIX–XX вв. Определены общие ракурсы исследования важнейших операций социально-гуманитарных наук, в частности интерпретации, конвенции и перевода, а также выявлены истоки соответствующих стратегий (как они формировались в русле одной из версий психологии – культурно-исторической психологии).

Еще одна важнейшая заслуга фонда – принципиальная поддержка работ русских философов, не издававшихся в советское время. Издание творческого наследия Г.Г. Шпета (составление томов, комментарии Т.Г. Щедриной) стало событием не только в признании фундаментальных заслуг крупнейшего русского философа, но и в изучении его наследия в XXI в. Фонд активно стимулировал исследования эпистемологической гуманитарной и социальной проблематики других русских философов, в частности идей в области философии науки П.А. Флоренского, С.Н. Булгакова, Н.А. Бердяева, Л.И. Шестова, С.Л. Франка, и многих других. Обращение к истории философии науки в трудах крупнейших русских философов показало, что богатство идей и разработанных ими философско-методологических и эпистемологических принципов – это серьезные достижения российской философии науки в начале XX в. О работе наших великих предшественников мы узнали благодаря существованию и активной успешной работе РГНФ, отмечающего в этом году свое 20-летие, с чем и хочется поздравить всех сотрудников фонда и всех нас, проживших вместе с ним эти годы.

Б.И. Пружинин: Что же, пришло время подводить итоги нашего обсуждения. Нелегко заметить внутреннюю дискуссию, различие акцентов в различных выступлениях. И это естественно, мы ведь обсуждали перспективы науки. Но что бесспорно объединяет выступления всех участников – это тревога за судьбы отечественной науки и фундаментальных научных исследований. Необходимо разобраться в том, что происходит с современной наукой, необходимо оценить реальные тенденции ее динамики, чтобы наметить перспективы эффективной работы по ее поддержке. И в этом плане, в качестве одного из важнейших результатов данного обсуждения я хочу отметить указание на комплексность возникающих в динамике современной науки проблем и необходимость соединения в этой области усилий философов, науковедов, социологов, социальных психологов, политологов и, вообще говоря, всех специалистов всех областей социально-гуманитарного знания. Без такой совместной работы рекомендации и оценки получаются, мягко говоря, односторонними, как это имеет место, например, в случае абсолютизации всякого рода формальных индексов для оценки качества научной работы. А ведь речь идет о перспективах одного из устоев современной культуры и одновременно о потенциале, пожалуй, ведущего сегодня фактора социально-экономического и технологического развития страны. И я возьму на себя смелость утверждать: проведенный “круглый стол”, помимо всего прочего, продемонстрировал реальную работу экспертного сообщества гуманитариев, работу, которую необходимо продолжать, чтобы получать конкретные результаты. Ибо сегодня такого рода работа – постоянный элемент осознанного и эффективного управления наукой.

И еще – как итог нашего “круглого стола”! Огромное значение для оценки перспектив развития науки имеет обобщение опыта структур, уже многие годы выполняющих эти функции. 20 лет работы РГНФ – это не просто юбилей, это источник огромного опыта реальной поддержки науки. И потому, в заключение, позвольте от имени всех участников “круглого стола” поздравить Российский гуманитарный научный фонд с юбилеем и пожелать ему дальнейшей успешной работы.

Материалы круглого стола подготовил
В.В. Пирожков